

УДК 94(470+571)“192”

Т. И. Тугай

Из опыта научной подготовки землеустройства казахского населения в 1920-е годы

В статье анализируется аграрная политика советской власти и попытки научного обоснования модернизации казахского хозяйства в оренбургский период (1920—1925), предпринятые учеными, представителями властных структур в практической деятельности и печати. Проводится анализ актуальных вопросов историографии. В научный оборот вводится ряд библиографических источников, издававшихся в Оренбурге в 1920-е гг. Значительное место отведено персоналиям, их вкладу в разработку проблемы землеустройства и дальнейшим судьбам. Статья написана на стыке отечественной истории, истории Казахстана и краеведения.

Ключевые слова: модернизация, оседлость, землеустройство, районирование, Киргизская (Казахская) АССР, оренбургский период, Наркомзем, переселенческая политика, алашординцы, Общество изучения Киргизского края.

Проблема советской экономической модернизации Казахстана достаточно глубоко исследована как в российской, так и казахстанской литературе [1; 2; 3; 4; 6; 18; 22; 28; 35; 43]. Историки часто ссылаются на классика казахской историографии С. Д. Асфендиарова, соучастника советизации среднеазиатских республик, внесшего крупный вклад в создание научной истории Казахстана. Он одним из первых проанализировал дискуссию о сущности кочевой культуры как цивилизационной целостности, высказал критику первоначального толкования этничности как исконного образования, связанного со средой и культурой [26]. Особое значение для осмысления сложных процессов, происходивших в казахском обществе, имеют обобщающие труды М. К. Козыбаева [36], Н. Э. Масанова [43] и Ж. Б. Абылхожина [3]. В частности, в монографии Ж. Б. Абылхожина обстоятельно проанализирован механизм деформации традиционной структуры Казахстана в советский период. Опираясь на официальные источники, богатую фактологию процесса социальной трансформации казахского общества, исследователь конкретизирует стратегию советской власти как форсированный и массовый перевод кочевников на оседлые формы хозяйства и быта, то есть незамедлительное превращение скотоводов в земледельцев [3, с. 223—225]. Сам автор обосновывает неизбежность такого перехода: «В своем историческом развитии кочевничество постепенно исчерпывает свой экологический и технологический потенциал и просто отмирает, ибо данная форма... имманентно не способна адаптироваться к условиям индустриального и урбанизированного общества, требованиям рыночной экономики и ценностям высокоразвитой системы потребления» [3, с. 238—239].

Наиболее крупными исследованиями социальных аспектов аграрной истории Казахстана стали работы Г. Ф. Дахшлейгера, К. Н. Нурпеисова [18] и М. Х. Асылбекова, А. Б. Галиева [6]. Ж. У. Кыдыралина, анализируя национальную политику Советского государства в 1920-е годы, раскрывает конфликт сторонников жесткой централизации с казахскими партийцами, стоявшими на позициях «национал-коммунизма», и национальной интеллигенцией. Этот конфликт проявлялся и в отношении к вопросу о землеустройстве [39].

Несомненный интерес представляет фундаментальное исследование профессора Гарвардского университета Терри Мартина [42]. Известные нам с советских времен

© Тугай Т. И., 2017

большевистские принципы интернационализма и права наций на самоопределение автор трактует под другим углом: национальное строительство в первых советских республиках происходило в ущерб русскому населению. В частности, по Казахстану он вводит в научный оборот данные о дискриминации русских крестьян в ходе земельной реформы начала 1920-х гг.

В современной историографии следует выделить обстоятельные и глубоко фундированные статьи А. П. Козлова, Н. А. Абдурахманова и С. Ш. Казиева [1; 30; 35]. Анализируя земельную практику советского руководства, противоречия и непоследовательность первых правительственных декретов, авторы акцентируют внимание на центральной проблеме — переселенческой, показывают расхождение в путях ее решения между федеральной и краевой властью. Несмотря на необходимость незамедлительного разрешения аграрного вопроса в Казахстане, по мнению исследователей, он требовал серьезного, вдумчивого анализа, отрешенного от сиюминутных политических настроений.

Наиболее целостную картину переселенческой проблемы в контексте аграрной политики большевиков (в целом по РСФСР) раскрывает в своем исследовании В. М. Моисеенко [46]. Миграционным процессам в Казахской автономии здесь отведено немало места. Автор показывает, что переселение крестьян с 1880-х до конца 1920-х годов было единым процессом. Поэтому в 1920-е гг. ведущими учеными и специалистами изучался большой опыт переселенческого дела — информационный, законодательный и организационный. Они являлись его «проводниками» в новых условиях.

Тем не менее опыт научного подхода к проблеме социально-экономической модернизации казахского хозяйства в первое десятилетие советской власти целостно не исследован. Лишь некоторые работы частично освещают эту тему. В них традиционно превалирует вторая половина 1920-х гг., когда был взят курс на индустриализацию и коллективизацию. Обсуждение в источниках аграрной политики в Казахстане представлено в контексте известных экономических и политических дискуссий второй половины 1920-х гг. о так называемом переходном периоде. Начальный — «оренбургский» — период первой половины 1920-х гг. до настоящего времени обойден вниманием исследователей. Исключением можно было бы назвать исследование Р. Ж. Кадысовой [28], если бы источники первой половины 1920-х гг. не были представлены в нем обзорно, хотя и с элементами систематизации. Кроме того, идеологически заостряя проблему «оседания», автор высказывает спорный довод о том, что «они [? очевидно, представители советской власти] на первом этапе мало интересуются вопросами экономики» [28, с. 182]. В то же время Р. Ж. Кадысова совершенно справедливо указала, что благодаря определенной либерализации экономической жизни в историографии 1920-х гг. представлен огромный пласт литературы, во многом освобожденный от идеологического начетничества, дающий возможность апеллировать «к достойным образцам действительно раскованной творческой мысли и смелых суждений. Кроме того, пожалуй, никогда больше казахский кочевой аул не пользовался таким вниманием исследователей, как это было в годы нэпа» [28, с. 189]. Действительно, этот период совпадает в целом по РСФСР с так называемым «золотым десятилетием» советской власти — многие исследователи связывают это определение с подъемом общественной активности, культурного и научного творчества. Полемика по вопросу землеустройства, которая развернулась на страницах официальных казахстанских изданий в Оренбурге, является тому подтверждением.

Автор настоящей статьи сосредотачивает внимание на краеведческом аспекте — как в плане практики первых аграрных преобразований советской власти (федеральной и краевой) в КАССР, координирующихся в Оренбурге, так и концептуальном, с точки зрения развития научных знаний по данному вопросу в регионе и степени их влияния

на политику землеустройства. Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. Киргизская (Казахская) АССР была образована в границах Оренбургского (и Западно-Сибирского) генерал-губернаторства. Вместе с Оренбургом в состав КАСССР была включена и Оренбургская губерния — районы: Петровский, Исаево-Дедовский, Шарлыкский, Илецкий, Краснохолмский, Орский, Оренбургско-Покровский [24, с. 268]. В 1920—1925 гг. Оренбург был административным центром КАСССР и являлся опорным пунктом проведения советских преобразований. Здесь находились правительственные учреждения автономии, в частности Народный комиссариат земледелия (Наркомзем). В ноябре 1920 г. в Оренбурге было создано казахское Государственное книжное издательство, выпустившее уже в 1921 г. 20 названий книг тиражом 27 тыс. экз. [10]. Здесь же печатались первые периодические издания советской автономии: «Известия Киргизского края» (прообраз будущей «Казахстанской правды», орган РКП и ЦИК республики)¹, журнал «Советская Киргизия». В них публиковались правительственные декреты и велось обсуждение поставленных советской властью проблем. Общество по изучению Киргизского края (Казахстана) по примеру дореволюционных краеведческих обществ издавало свои «Труды» научно-исследовательского характера. Указанные периодические издания составили основную источниковую базу данной статьи.

Положение в Казахстане в начале 1920-х гг. было крайне тяжелым. Сказывались последствия Гражданской войны и голода. В условиях засухи лета 1921 г. введение продналога оказалось непосильным бременем для голодающего населения. Жертвами голода 1921—1924 гг., по разным подсчетам казахстанских исследователей, стали от 414 тыс. до 1 млн. человек [4; 13]. За период с 1916 по 1922 г. поголовье скота в Казахстане сократилось с 21,7 до 5,4 млн. голов, а валовой сбор зерна — со 150 млн. пудов до 41 млн. В годовом отчете народного комиссариата земледелия (1923—1924) и «Статистическом вестнике» (1923) прямо указывалось на непомерно высокие налоги, в том числе и наиболее тяжелый — продовольственный. Там же говорилось о неэквивалентном обмене между городом и селом, который тормозил развитие сельского хозяйства. Только за первую половину 1923 г. цены на промышленные товары выросли на 311%, дорого обходилась закупка инвентаря [15, с. 11—81; 56]. Тем не менее советским правительством была поставлена задача социально-экономической модернизации бывших азиатских национальных окраин империи, вошедших в состав РСФСР, и аграрные преобразования занимали здесь ведущее место.

На I съезде Советов КАСССР (1920) в соответствии с Декретом о земле был поставлен вопрос о формах и методах землепользования, которые в перспективе обеспечили бы переход к обобществлению сельского хозяйства в республике. Но прежде всего необходимо было разрешить проблему с наследием переселенческой политики. Если в центральной России политика «земля — крестьянам» означала ликвидацию помещичьего землевладения, то в Казахстане она была сопряжена с проблемой урегулирования земельных отношений казахов и русских переселенцев — и те, и другие по социально-классовому признаку с полным правом могли требовать разрешения этого вопроса в свою пользу. Межэтнические конфликты в Степи по поводу землеустройства актуализировали и национальный вопрос, что ставило под сомнение большевистский принцип равноправия наций. Съезд принял компромиссное решение приостановить колонизацию края пришлым населением.

В соответствии с Постановлениями Съезда КЦИК издал ряд декретов (Временное положение о землепользовании, Декрет от 7 февраля 1921 г. и Декрет от 19 апреля 1921 г.),

¹ С 1921 г. газета стала называться «Степной правдой», а с 1923 по 1932 г. носила название «Советская степь».

согласно которым казахам должны были быть возвращены земли, не освоенные переселенцами до февраля 1921 г., в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и бывшей Тургайской губерниях, а также десятиверстной полосы и левобережья реки Урал. Однако земельно-водная реформа в южных районах Казахстана (1921) ставила вопрос уже не о приостановке переселения, а об изъятии у переселенцев казахских районов всех земель, запроектированных Переселенческим управлением, оставляя им участки лишь в размере трудового надела. В основу наделения земледельческих казахских хозяйств был положен принцип уравнивания с русскими крестьянами. Кочевые хозяйства должны были быть обеспечиваемы не только кочевьями, но и пашней, содействующей переходу к оседлому земледельческому хозяйству [1].

В 1923 г. в Казахстане был принят Земельный кодекс РСФСР. На его разработку оказало влияние основное содержание нэпа. В нем отражалась зависимость землеустройства населения от вида его хозяйственной деятельности, связанной с природно-климатическими условиями того или иного района. Задача экономического районирования закладывалась еще в плане ГОЭЛРО, в котором предусматривалась разбивка территории страны на ряд больших экономических районов в зависимости от разделения труда и производства с учетом особенностей природных, сырьевых, экономических и энергетических ресурсов. Специальный раздел был посвящен переселению. Земельный кодекс разделил переселенцев на две категории — плановых и неплановых. Переселение, проводившееся в рамках плана и в установленном порядке, поощрялось с помощью различных льгот, устанавливаемых соответствующими декретами [46]. Следовательно, государство если и поддерживало, то только «плановых» переселенцев.

Таким образом, переселенческая проблема занимала центральное место в политике землеустройства. Как было показано выше и как детально продемонстрировал Н. А. Абдурахманов [1], ВЦИК и Коллегия Наркомата земледелия РСФСР соответствующими инструкциями и постановлениями то разрешали частичное переселение крестьян из центральных губерний, то под давлением Казахского Наркомзема воспрещали переселения извне. В историографических оценках советской переселенческой политики в КАССР можно выделить следующие, зачастую противоречащие друг другу моменты. Г. Ф. Дахшлейгер и К. Н. Нурпеисов указывали, что аграрные реформы 1921—1922 гг. не только не изменили земельный строй — ни в переселенческой деревне, ни тем более в казахском ауле, — но и не ставили цель до конца разрешить аграрный вопрос в Казахстане. Тем не менее авторы отмечали большое экономическое и политическое значение самого факта возвращения земель казахским трудящимся, как и уравнивания на деле в земле и водопользовании трудящихся аула и деревни [18, с. 118].

«Уравнивание на деле» опровергают своими работами С. Ш. Казиев и Т. Мартин. В первой половине 1920-х гг. были сделаны максимальные уступки коренному населению, а Казахстан был закрыт для переселенцев. На практике это привело к межэтнической напряженности и подрыву доверия к Советскому государству со стороны переселенцев [30]. Т. Мартин приводит такие данные: земельная реформа проходила с января 1921 г. по декабрь 1922 г. и имела своим результатом массовое изгнание славянских переселенцев и казаков. С 1920 по 1922 г. русское население Казахстана сократилось с 2,7 до 2,2 млн. человек (приблизительно на 20%), а его посевные площади — с 3,3 до 1,6 млн. десятин [42, с. 88—89]. Это при том, что русское население к началу реформ имело земли в 5 раз больше, нежели казахское [1]. Тем не менее Н. А. Абдурахманов отмечает, что самовольное переселенческое движение на территорию Казахстана «не прекращалось вовсе» [1]. Ссылаясь на данные статистиков 1920-х гг., Казиев указывает, что к 1926 г. в результате «антиевропейской» земельной политики местного руководства русское и

украинское население края сократилось на 700 тыс. человек [30]. Т. Мартин «уточняет»: из этого числа только за период 1920—1922 гг. — на 500 тыс. человек [42, с. 88—89].

Прямо противоположные данные приводит В. М. Моисеенко, опираясь на данные переписи 1926 г., зафиксировавшей существенный рост «чистой миграции»¹ последних лет вселения: в РСФСР — 1125,4 тыс., в том числе в Казахской АССР — 638,7 тыс. человек [46]. Оренбургские источники подтверждают значительную долю русских в земледельческих районах, применительно к 1924 г.: в северной земледельческой полосе русские хозяйства составляли 87,2%, а киргизские (казахские) — 12%, в центральной полуземледельческой полускотоводческой полосе казахские хозяйства составляли 98,3%. Т.е. земледельческие хозяйства в Кирреспублике являлись по преимуществу русскими (земледельческий район), а в полуземледельческом и скотоводческом районах «почти исключительно киргизские» [69]. Отмечая значение переселенческой статистики 1920-х гг. по ряду параметров, В. М. Моисеенко признает, что постановка отдельных вопросов априори предполагала неполные и даже недостоверные ответы.

Эту же проблему при работе с источниками отметил оренбургский исследователь В. А. Лабузов, засвидетельствовавший не только разное происхождение статистического материала, но зачастую и его несопоставимость [40].

С аналогичной проблемой столкнулся в 1925 г. специалист по статистическим исследованиям С. П. Швецов, готовя материалы для выработки норм землеустройства в КАССР [29, с. 62].

С критикой государственной статистики, назначением которой являлось обеспечение плановых «предположений» по развитию хозяйственной деятельности, выступил в свое время в Оренбурге и экономист Госплана КАССР Л. В. Кенарский. Он выявил «разнобой» в цифрах Госплана РСФСР и КирЦСУ, приводя наглядные примеры расхождений между двумя ведомствами по вопросу землеустройства [34].

С резкой критикой обрушился на Кенарского управляющий КирЦСУ И. П. Крутилин: «Более серьезное отношение к делу заставило бы Л. Кенарского воздержаться от... публикации в печати таких “противоречий”, которые говорят только об одном: автор не умеет читать статистической литературы»². Данное замечание могло бы насторожить и некоторых современных исследователей, легко оперирующих цифрами. В целом приведенные позиции свидетельствуют о том, что переселенческая политика 1920-х гг. еще до конца не изучена. Ввиду того, что данная тема выходит за рамки настоящей статьи, мы можем лишь констатировать ее чрезвычайную актуальность, сложность и противоречивость в практике землеустройства первого советского десятилетия в Казахстане.

Н. А. Абдурахманов фиксирует внимание на несогласованности действий Центра и местных органов, в результате чего меняющие друг друга земельные законодательства, порой противоречащие друг другу, не содействовали становлению твердых поземельных отношений в Казахстане, не позволили уделить достаточного внимания рациональности и экономической эффективности землеустройства [1]. Противоречия между федеральной властью и так называемыми «националами» КАССР занимают все больше места в казахстанской историографии. Если в 1990—2000-е гг. преобладала тенденция все проблемы сводить к пресловутому тоталитаризму и «советскому колониализму», то в последние годы значительная доля ответственности возлагается на казахстанские органы власти. Так, С. Ш. Казиев отмечает, что с 1923 г. «национал-коммунисты» постарались блокиро-

¹ Под чистой миграцией подразумевается разница между числом уроженцев других территорий СССР, прибывших в районы азиатской части СССР, и числом уроженцев этих районов, зарегистрированных в других частях СССР.

² Крутилин И. О противоречиях учета // Советская Киргизия. 1924. С. 64.

вать дальнейшее аграрное переселение русского населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения и снижения доли титульного этноса [30]. По мнению А. П. Козлова, политика форсированного перевода к оседлости казахского аула в конце 1920-х — начале 1930-х гг., приведшая к трагическим последствиям для казахского этноса, являлась логическим продолжением аграрной политики республиканского руководства, проводившейся с начала 1920-х гг. Ее основной целью было закрепление коренного этноса в земледельческих районах путем перераспределения земельного фонда в пользу титульной нации [35].

Однако наступление союзного центра на автономию начнется только с середины 1920-х гг., когда краевые власти будут лишены относительной свободы в контроле над КАССР. В литературе установление сталинского централизма связывается с назначением на пост секретаря Казахского крайкома РКП(б) Ф. И. Голощекина (1924). Он объявит «новый красный Октябрь» не только в казахском ауле, но и против национальной интеллигенции, «засевшей» в органах власти. Можно предположить, что и перенос столицы из Оренбурга в глубь Казахстана — в Ак-Мечеть (Кзыл-Орду) был связан с необходимостью обновленного аппарата дистанцироваться от ведущих национальных сил. Тем более что Оренбург до революции являлся идейным центром «Алаш».

Тем не менее в первой половине 1920-х гг. в национальном вопросе присутствовал политический плюрализм. Он проявился, в частности, в практике «коренизации» правительственных структур в автономных республиках. В рассматриваемый оренбургский период в краевом руководстве преобладали представители казахской нации, в большинстве своем интеллигенция, успевшая за короткий период начала 1920-х гг. внести существенный вклад в культурное становление своего народа и расширение прав автономии [39; 63; 64]. Большинство из них имели высшее образование (в особенности бывшие деятели «Алаш»), полученное в российских университетах Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Варшавы, Киева, Томска. Интересно заметить, что Ж. У. Кыдыралина, раскрывая роль национальной элиты как феномена советской государственности, перечисляя ряд видных имен, ставит в один ряд так называемых «национал-уклонистов» — бывших алашординцев А. Букейханова, А. Байтурсынова, А. Ермакова, С. Садвокасова и других с «твердыми большевиками» («левыми») — С. Мендешевым, С. Сейфуллиным, С. Асфендияровым, Т. Рыскуловым, Н. Нурмаковым [39, с. 23]; с учетом современных подходов это вполне оправданно. При этом Т. Рыскулов был членом федерального СНК (в 1921—1922 гг. заместителем наркомнаца РСФСР) и являлся своеобразным проводником краевого правительства в Центре.

Действительно, в вопросах «собирания» казахской нации, сохранения национальной идентичности, а также землеустройства сходились позиции и тех, и других. Так, один из видных алашординцев Алимхан Ермаков — ученый, ставший первым казахским профессором математики, член Центрального исполкома КАССР — в 1920 г. на заседании Совнаркома в Москве под председательством В. И. Ленина сделал доклад о положении в Казахстане. В процессе острой дискуссии о границах республики ему удалось добиться возвращения Казахстану ряда важных территорий, которые ранее принадлежали России. Среди них Коростылевская степь, Семипалатинская, Акмолинская области и северное побережье Каспийского моря. Позже А. Ермакова назначили председателем Коллегии по управлению краем при ВЦИК РСФСР [21].

Другой видный представитель алашской интеллигенции Смагул Садвокасов при советской власти занимал ряд важных постов: член президиума КазЦИКа, позже и член ВЦИКа, председатель плановой комиссии КАССР. В 1923 г. в СССР началась административно-территориальная реформа, в ходе которой проводилось национально-терри-

ториальное размежевание Центральной Азии. В своей основе это масштабное мероприятие, растянувшееся на долгие годы, имело рациональное использование естественных богатств страны. Как объяснял применительно к Киргизской республике С. Садвокасов, задачей реформы было скомбинировать одинаковые по климатическим, почвенным и национальным признакам районы в одну целостную хозяйственно-административную единицу. Одобряя рациональность проекта в целом, Садвокасов вскрыл ряд проблем, возникших при районировании республики, в частности в определении ее внешних границ. «Пройдя» в своей статье порайонно по всем спорным окраинам автономии, он обстоятельно доказал, какие территории должны остаться в границах КАССР, аргументируя свои выводы глубоким знанием этнического состава уездов и хозяйственных типов. Наиболее проблемным в его изложении оказался Адаевский уезд, на который претендовала Туркестанская область [49]¹.

В свою очередь, «левый» Сейтгали Мендешев, первый председатель ЦИК КАССР, а в 1924—1925 гг. член Президиума ЦИК СССР, когда в ходе размежевания возникли территориальные разногласия между Узбекской ССР (до 1924 г. Туркестанская АССР) и Казахской АССР из-за спорного Ташкентского уезда бывшей Сырдарьинской области, настаивал, чтобы Ташкентский уезд, в котором большинство населения составляли казахи, полностью был отнесен к Казахстану. Он заметил принципиально неправильную тенденцию: считать киргизами (казахами) только кочевников, а осевших и земледельческих киргизов в расчет не брать, хотя последние в ряде районов уезда составляли большинство населения. Наиболее культурная и экономически устойчивая часть казахов (оседлая), по мнению С. Мендешева, искусственно отделялась от остальной части, в то время как «для киргизов, еще находящихся в периоде национального формирования, потеря [ее] является существенным ударом, не дающим возможность дальнейшего развития и создания сколько-нибудь крепкого государственного ядра на культурной территории» [45]. В итоге в 1924—1925 гг. в состав КАССР были включены южные территории бывшей Туркестанской республики.

Следует назвать еще два имени людей, которые осуществили беспрецедентную практическую работу по «собиранию нации». Орали Джандосов («левый») возвратил в родные места тысячи коренных жителей Жетысу (Алматинской области Казахстана, уникальной по своему плодородию), бежавших в Китай при подавлении царизмом восстания 1916 г. Тель Жаманмурынов, бывший алашординец, заместитель наркома земледелия (1921—1929), активно занимался возвращением тех, кто выехал из Казахстана после голодомора и эпидемии тифа, созданием для людей надлежащих условий проживания и обеспечением продуктами питания [38].

В обсуждении переселенческой проблемы также следует выделить позиции отдельных представителей руководства КАССР. Обобщающие положения, характерные для ряда последних исследований, о том, что решения федерального центра блокировались краевой властью (в целом?), для объективности нуждаются в конкретизации. Персонифицируем некоторые примеры. На V Всеказахском съезде Советов (19 апреля 1925 г.) было вновь запрещено самовольное переселение в Казахстан, а все прибывшие после 31 августа 1922 г. переселенцы исключались из порядка землеустройства. О. Джандосов² — он в

¹ В 1917 г. на I Всеказахском съезде Алаш обсуждался вопрос о выделении всех областей (9) с преобладающим казахским населением в особую национальную территориально-административную единицу — автономию.

² Ряд исследователей ошибочно называют О. Джандосова наркомом земледелия. Как свидетельствует номенклатурный список Архива Президента РК (archive.president.kz/wp-content/uploads/Nomenklatura_Kazakhstan_800person.xlsx), с 1920 по 1926 г. наркомами земледелия были: В. Н. Харлов (1920—1921), Ш. Г. Дивеев (1921—1922), Д. Т. Темиралиев (1922—1923), А. М. Алибеков (1924—1926).

1924—1928 гг. был заведующим отделом агитации и пропаганды Казкрайкома ВКП(б) — в своем докладе сообщил, что с конца 1923 г. землеустройство стало осуществляться исключительно в пользу казахского населения. Он прямо говорил о первоочередности удовлетворения сельскохозяйственных запросов казахского населения [19].

В аулах решения власти были восприняты как руководство к действию: произошли сотни конфликтов из-за земли между казахским и русским населением, участились случаи самовольной потравы посевов и насильственного сгона крестьян с земли. Тем не менее Джандосов отрицал «выдавливание» русских крестьян и объяснял их выезд (ссылаясь на местные советы) тем, что «земельная политика соввласти... урезала и решительно ограничила возможность захватнической и хищнической эксплуатации земли со стороны кого бы то ни было, и особенно со стороны переселенческого крестьянства, которое привыкло строить свое хозяйственное благополучие именно на этом способе хозяйствования» [19; 30]. Позже, будучи секретарем крайкома партии (1926—1927) и работая под началом Голощекина, он участвовал во всех мероприятиях по подготовке коллективизации, являлся одним из авторов проекта декрета о конфискации имущества и переселении «баев-полуфеодалов» [39, с. 59]. Свои коммунистические идеалы Джандосов пересматривает только в период коллективизации. В командировках по аулам, наблюдая картины голода и голодной смерти казахов, он скажет, что «о социализме нечего мечтать, так как это сплошной обман» [48, с. 140—141].

Сакен Сейфуллин — яркий представитель революционного крыла, председатель СНК КАССР (1922—1924), «поэт во главе республики» (лучшие из его произведений, кстати, также были созданы в Оренбурге) — часто противодействовал, по выражению Ж. У. Кыдыралиной, «колониаторским выходкам центра». На III партийной конференции Казахстана, проходившей в марте 1923 г., представитель центрального аппарата Е. М. Ярославский подверг его резкой критике, обвинив в отходе от генеральной линии РКП(б) и подмене классовой борьбы борьбой национальной [57].

Более взвешенное отношение к переселенческому вопросу отличало бывших алашординцев, работавших в правительстве. Характерно, что I Съезд Советов КАССР в 1920 г. фактически продублировал резолюции по земельному вопросу первого Общеказахского и второго Тургайского областного казахского съездов (1917), организованных лидерами политического движения «Алаш» [25, с. 50—51, 60—61]. Известно, что ряд деятелей Алаш-Орды, перешедших в 1919 г. на сторону советской власти, были делегатами I Съезда. По мнению некоторых исследователей, большевистское руководство, не имея четкой программы аграрных преобразований в казахстанской степи, для привлечения на свою сторону коренных жителей республики — казахов, основным занятием которых было кочевое скотоводство, использовало идеи Алаш-Орды [35].

Так, урегулированием земельных конфликтов еще до прихода большевиков занимался лидер «Алаш» Алихан Букейханов. Исполняя обязанности Тургайского областного комиссара Временного правительства, весной 1917 г. он отправил несколько телеграмм-предупреждений в исполкомы аулов. В телеграмме аулу № 2 Илекской волости говорилось: «Если казахи аула... не согласны жить на [принятых] условиях, то они будут силой выдворены. Русским будет проведена борозда — грань, за эту грань казахи скот пускать не должны, [а также] травить луга и посевы. Прошу не ссориться с русскими, жить в ладу. В противном случае казахи будут наказаны» [25, с. 47—48]. Другой лидер «Алаш», ставший в советском правительстве первым наркомом просвещения КАССР, а затем председателем Академического центра НКП республики, Ахмет Байтурсунов, еще на 1-м Тургайском съезде (Оренбург, 2—8 апреля 1917 г.) убедил казахских делегатов не добиваться у властей выселения русских переселенцев, так как их опыт принесет суще-

ственную пользу казахскому хозяйству [27, с. 208]. А. Ермаков в 1920 г, выступая с докладом у Ленина, внес предложение только приостановить переселение до землеустройства местного казахского и осевшего русского населения. В обоснование своего предложения он привел статистические данные о соотношении состава населения казахского и русского, по преимуществу в северных уездах, и первым из казахстанского руководства высказал опасение, как бы не вызвать антагонизм и вражду между ними («и тогда Владимир Ильич воскликнул: “Ага. Надо подумать, подумать!”»)¹.

Смагул Садвокасов включал в коренное население не только казахов, но и всех переселенцев-старожилов. Его высказывания по этому поводу приводит Ж. У. Кыдыралина: «Ни один благоразумный национал, а тем более коммунист, стоящий не на словах, а на деле на советской платформе и придерживающийся принципов Компартии, не выкинет и не выкидывал лозунга “Казахстан для казахов”». При этом Садвокасов подчеркивал, что «основным в земельной политике было окончательно землеустроить коренное население, временно прекратить колонизацию... Конкретная задача теперь в области земельной политики на национальных окраинах заключается в окончательном землеустройстве коренного населения, включая сюда и переселенцев-старожилов» [39, с. 47—48]. В более ранней своей статье, выделяя национальный вопрос в связи с экономическим районированием, С. Садвокасов, как председатель плановой комиссии КАССР, более детально освещал эту проблему. Он отмечал, что «вновь проектируемые нами районные волости не укладываются в рамки современной экономики», объясняя это исторически сложившимися особенностями колонизации. Казахская территория колонизовалась переселенцами не сплошным массивом, а вкрапленно. Занимались все лучшие участки, годные для земледелия: по берегам рек, озер и опушкам лесов. В царское время русские поселки составляли отдельные от казахов административные волости, которые сохранились и при советской власти. В настоящее время, следуя новым принципам экономики, «львиную долю киргизских волостей мы вынуждены будем присоединять к русским». В связи с этим Садвокасов задался вопросом: какова будет их совместная работа и каковы результаты? Он счел необходимым провести такой опыт уже сейчас, чтобы была видна «хотя бы приблизительная перспектива» [50]. Здесь необходимо напомнить, что, принимая в 1923 г. Земельный кодекс РСФСР, краевая власть в качестве дополнения вводила положение, согласно которому в кочевых и полукочевых районах КАССР землепользование устанавливалось применительно к местному характеру существующих хозяйств. Выражая свое видение землеустройства, С. Садвокасов исходил из данного положения.

Что касается Турара Рыскулова, вынужденного балансировать между Наркомнацем РСФСР и своими товарищами в руководстве КАССР, пытаясь сгладить противоречия, то он считал принятый курс на выселение ошибочным. Выступая на II пленуме Казкрайкома ВКП(б) (май 1926), Рыскулов говорил: «Нельзя выселять все русское население из Казахстана, так же как нельзя вычеркнуть все казахское; они исторически жили вместе и будут жить в соседстве и вместе перейдут в социалистическое общество» [30].

Тем не менее именно бывшие алашординцы первыми подпадут под репрессии². В соответствии с установкой Голощекина политический ярлык «буржуазные националисты» прочно укоренится в литературе советского периода. На них фактически будет возложена ответственность за просчеты советской аграрной политики в Казахстане. Их бывший коллега, сотрудник Наркомпроса КАССР, директор первого казахстанского издательства

¹ Алимхан Ермаков оказался единственным из «Алаш», чудом выжившим в ГУЛАГе. Алимхан Ермаков (<http://e-history.kz/ru/biography/view/330>).

² В конце 1928 г. арестовали 48 человек из числа так называемых «буржуазных националистов» — бывших деятелей Алаш-Орды (первая волна репрессий в Казахстане). В 1937 г. их приговорили к ВМН уже по обвинению в «национал-фашизме». Тогда же были репрессированы и их «левые» товарищи.

А. К. Бочагов¹ даже в своих поздних мемуарах будет использовать идеологические оценки того времени: «Национал-уклонисты стремились сохранить старые общественно-экономические отношения в ауле. Они были против экспроприации хозяйств баев, против коллективизации и перехода к оседлости и земледелию кочевого и полукочевого населения. Фактически они являлись выразителями идеологии Алаш-Орды» [10, с. 98].

В эпицентре противостояния по аграрному вопросу и практической работы по исполнению решений советской власти находился Наркомзем КАССР. Наиболее значимым для оценки деятельности наркомата является период, начавшийся с 1924 г. Тогда председателем СНК Республики вместо С. Сейфуллина был назначен Ныгмет Нурмаков (1924—1929), участник борьбы за установление советской власти, а наркомом земледелия — Алиаскар Алибеков (1924—1926), в прошлом член партии «Алаш». Оба являлись делегатами I Съезда Советов КАССР и к 1924 г. имели солидный послужной список, свидетельствующий о большом вкладе в становление советского Казахстана. Так, например, А. Алибеков в 1920—1921 гг., будучи членом Ревкома, являлся представителем КАССР при Наркомате по делам национальностей РСФСР, а с 1921 по 1924 г. был наркомом рабоче-крестьянской инспекции. Именно Н. Нурмакову и А. Алибекову предстояло решать задачи по землеустройству, поставленные Центром в 1924 г., когда были приняты два взаимодополняющие друг друга постановления, призванные сыграть переломную роль в аграрной политике в Казахстане.

17 апреля 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли «Постановление о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Автономной Киргизской Советской Социалистической Республики». В «Положении» к нему говорилось о том, что землеустройство имеет «сплошной и обязательный характер и распространяется на все районы... Республики» за исключением некоторых оседло-земледельческих районов [55, с. 167]. По оценкам советской историографии, это было первое крупное по своим масштабам, сложное и грандиозное по значимости государственное землеустройство. Нужно было провести сплошное и обязательное землеустройство на территории, равной 230 миллионам десятин. Такое землеустройство еще никогда в мире не проводилось [70]. А 17 октября 1924 г. вышло постановление Совета Труда и Оборона «О ближайших задачах колонизации и переселения». Задача колонизации определялась в нем как вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции путем рационального, как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов, расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов. Основой колонизационно-переселенческих мероприятий должен был стать общесоюзный план, устанавливавшийся Центральным колонизационным комитетом при ЦИК СССР [46].

Таким образом, две ведущие проблемы земельного вопроса — землеустройство казахов и переселение русских — сошлись в общем курсе, определенном указанными правительственными актами. Необходимым условием нормального заселения объявлялось первоначальное землеустройство коренного населения. За этими постановлениями 1924 г. стояла задача подъема экономики страны — не только сельского хозяйства, но

¹ Архип Кузьмич Бочагов (1898—1975) в 1941—1942 гг. и в 1951—1960 гг. являлся ректором Чкаловского (Оренбургского) педагогического института. В 1927 г. опубликовал брошюру «Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917—1919 гг.», в которой отразил установки Голощекина на разоблачение участников движения, выдвинутые им в отчетном докладе Казкрайкома РКП(б) в 1926 г. Автором статьи была обнаружена другая брошюра Бочагова идентичной направленности, на сей раз — против татарского национального движения в Крыму, написанная в 1930 г. по заданию Крымского истпарта: «Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк».

и промышленности, транспорта, увеличения экспорта продукции из районов, богатых сельскохозяйственными ресурсами. Однако требование «сплошного и обязательного» землеустройства порождало проблему неизбежной ломки традиционного скотоводческого хозяйства в большинстве районов КАССР. С другой стороны, следует заметить, что все-таки задача форсированного перевода кочевого населения республики на оседлый образ жизни появится позже, в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в связи с началом коллективизации. Постановление же от 17 апреля 1924 г. подводило под землеустройство более обоснованную базу. Предусматривалось широкое проведение статистико-экономических, агрономических, гидротехнических и геоботанических обследований каждого землеустраиваемого района.

Нарком земледелия Алиаскар Алибеков привлек к этой работе ряд ученых-аграриев, почвоведов, инженеров-мелиораторов, статистиков, имевших богатый практический опыт работы в дореволюционных учреждениях и мероприятиях переселенческой политики Российской империи. Именно этим объясняется актуализация тематики аграрных, социально-экономических преобразований в оренбургских (казахстанских) изданиях с 1924 г. Как было установлено в процессе данного исследования, большая часть авторов являлась сотрудниками Наркомзема, что значительно повышало интеллектуальный и профессиональный потенциал наркомата (сам нарком А. Алибеков имел только шесть классов реального училища). Некоторые входили в состав других ведомств республики. Не все они жили в Оренбурге, но здесь публиковали свои работы и вели научную полемику в печати, анализировали мероприятия и постановления власти, зачастую критически.

Так, Иван Васильевич Ларин (1889—1974) — почвовед-ботаник Урало-Букеевской мелиоративной партии Наркомзема (1923—1925) [5] — опубликовал статью «Очередность изучения Киргизии (в порядке обсуждения данного вопроса)». В ней он подчеркнул необходимость координирования правительственных решений по КАССР, как и возможность их осуществления вообще, отметив, что «почти ежемесячно текущая работа государственных учреждений ставит тот или иной вопрос, на который мы, при всем желании, отвечаем, в лучшем случае, только наполовину» [41, с. 15]. Он убеждал, что работы по районированию должны быть связаны с проведением Земельного кодекса — с разрешением вопросов о выработке земельных норм надела, о землеустройстве селений и отдельных хозяйств, о переселении и вселении, о выделении госземимуществ и т.п. Для Ларина было очевидно, что Постановление 17 апреля 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР о «сплошном и обязательном характере» перехода к оседлости во всех районах Республики противоречило Земельному кодексу и районированию. «Сначала бы надо собрать в деталях все факты, дополнить их специальными обследованиями», а потом уже разрешать вопросы землеустройства. На практике же, сетовал Ларин, те и другие работы идут параллельно и не увязываются друг с другом, т.е. правительственные распоряжения не имеют необходимой научно-практической базы. Так, И. В. Ларин прямо заявлял, что голод начала 1920-х гг. в республике был вызван не только объективными причинами, связанными с природными условиями (джутом), но и пренебрежением властей к необходимости детального изучения хозяйства Казахстана, и только «когда был изжит голод, то во всю ширину был поставлен чрезвычайно важный вопрос: хозяйственное и административное районирование» [41, с. 16].

В качестве первоочередной Ларин поставил задачу по всестороннему изучению Киргизии (Казахстана), выделив основные этапы ее решения: «1) собирание уже имеющихся печатных и рукописных материалов; 2) их детальное изучение; 3) разработка программ для дополнительных изучений и плана их проведения и 4) непосредственное изучение Киргизии на местах» [41, с. 18]. Он подчеркнул роль Оренбурга — «центра Киргизии», в

котором должно осуществляться общее руководство исследовательской работой. Редакция «Советской Киргизии» поддержала ученого и в примечании к его статье обратилась к тем «товарищам, кто уже частично занят вопросами изучения КАССР, высказаться по данному вопросу».

Известный в будущем агроном-геоботаник И. В. Ларин в период своей работы в Наркомземе только еще учился в Ленинградском географическом институте заочно. Тем не менее уже тогда, обследуя почвы, растительность и сельскохозяйственные угодья КАССР, он создал особое «кормовое» направление геоботанических исследований. В то время, когда пастбища и сенокосы полупустынной зоны рассматривались только как естественные кормовые угодья, он рекомендовал кормовые растения для освоения солонцов. По его методу начали производить отбор флоры для внедрения в культуру. В перспективе метод Ларина должен был содействовать развитию пастбищного скотоводства. Это было особенно актуально для тех районов, где земледелие по естественным условиям было затруднено или невозможно (вопреки Постановлению 17 апреля 1924 г. и дальнейшему курсу на форсированный переход номадов к оседлости).

Для справки следует отметить, что И. В. Ларин создал в 1920-е гг., наряду с Б. Б. Польшовым и Р. И. Аболиным, первые ландшафтные карты, в течение ряда лет проводил полевые исследования в Прикаспийской низменности. В 1925 г. вместе с выдающимся почвоведом, географом и геологом С. С. Неуструевым Иван Васильевич в течение месяца путешествовал по Уральской области, где они обследовали Джамбейтинские степи, Чижинские разливы и бассейн озера Шалкар, изучали светло-каштановые почвы Северного Прикаспия [20]. В 1926 г. в соавторстве с другим русским ученым — ботаником Б. А. Федченко в «Трудах» Общества изучения Киргизского края И. В. Ларин представил обстоятельный обзор истории исследования растительности Уральской губернии, описал собранные им ботанические коллекции, а также привел списки растений с указанием их хозяйственного значения. В заключительной части работы (в ботанико-географическом очерке) авторы ознакомили читателей с проектами по полному районированию Уральской губернии [65]. В 1926 г. Академией наук будет организована комплексная экспедиция для исследования территории Казахстана — и С. С. Неуструев пригласит И. В. Ларина в числе других специалистов в возглавляемый им почвенно-ботанический отряд экспедиции.

Природу социально-экономических отношений в казахском социуме изучал экономист, член президиума Госплана КАССР (беспартийный) Леонид Владимирович Кенарский (1886—1938)¹. «Всецело поддерживая» утвержденное ВЦИК Положение о землеустройстве киргизского населения, переходящего к оседлому хозяйству (17 апреля 1924 г.), как «наиболее радикально разреша[ющее] все вопросы, связанные с использованием земельных угодий в КАССР на трудовых началах» [33, с. 136], Л. Кенарский подвел под него серьезную исследовательскую базу. Изучив хозяйство нескольких волостей Усть-Каменогорского уезда начиная с конца XIX в. и сведя полученные данные в многочисленные таблицы, он проследил, как в динамике двух десятилетий здесь складывались предпосылки для землеустройства, выделил основные этапы «сдвига хозяйственного строя от кочевого к оседлому». Вместе с тем он ставил вопросы: почему в других районах преобладает скотоводство или промысловая деятельность над земледелием? Отвечая своим оппонентам («найдутся, несомненно, и в настоящее время защитники отмираю-

¹ Л. В. Кенарский будет дважды арестовываться за так называемую антисоветскую деятельность — в 1931 и 1937 гг. По ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР осужден к ВМН. За недоказанностью состава преступления реабилитирован Верховным судом КССР 20.11.1956 г. См.: Открытый список жертв политических репрессий в СССР. URL: [https://ru.openlist.wiki/Кенарский_Леонид_Владимирович_\(1886\)](https://ru.openlist.wiki/Кенарский_Леонид_Владимирович_(1886)).

щего кочевого скотоводства!»), перечислив все их доводы, которые и в его изложении выглядят обоснованными (хотя «этого цифры не скажут»), Кенарский вынужден признать: «В крайнем случае, мы можем говорить, что некоторые районы по своим естественным условиям непригодны для земледелия и для развития оседлого хозяйства и что единственный путь использования скудных растительных богатств этих районов будет передвижное скотоводство» [32, с. 105]. Таким образом, выводы экономиста Кенарского в некоторой степени совпадали с выводами геоботаника Ларина.

В историческом аспекте интересен очерк Л. В. Кенарского о переселенческой политике царской администрации [33]. Он представил читателю этот важный опыт, который, по его мнению, являлся предшественником советской программы землеустройства в КАССР. Подвергнув достаточно объективной критике деятельность Переселенческого управления, Леонид Владимирович осветил работу статистико-экономической экспедиции Ф. А. Щербины (1896—1903), которая готовила Переселенческому управлению данные для установления новых норм землепользования. Значительная заслуга Ф. Щербины, отметил Л. Кенарский, заключалась в том, что под его руководством экспедиция «чрезвычайно внимательно и осторожно» отнеслась к скотоводческому хозяйству. Тогда нормы землепользования были рассчитаны со значительными надбавками на увеличение голов скота, только вследствие почти полного изъятия установленных излишков земли под колонизационный фонд нормы Щербины пришлось понизить.

Вот таким же, как у Щербины, «осторожным и внимательным», должно было стать отношение новой власти к судьбе казахских хозяйств, а также тех из них, которые «пока не пожелали перейти к оседлому образу жизни». Кенарский излагает методы землеустройства, как он их видит, — из семи пунктов. Эта работа должна быть начата с тех районов, в которых процесс перехода на оседлость уже начался, стал естественным. Он указывает на необходимость предварительного обследования хозяйств с целью выяснения условий для земледелия, считает важным агрономическое и гидротехническое обследование, анализ почвенных угодий. Только после такого обследования можно ставить вопрос о нормах наделения казахских хозяйств землей. «Ввиду крайней бедности» им необходимо было также содействие в льготном получении леса, сельскохозяйственного инвентаря.

Крупным специалистом по скотоводческому хозяйству являлся В. А. Шадрин. Приведем некоторые сведения об ученом, до настоящего времени не известные в Оренбурге. Василий Аполлонович Шадрин родился в 1874 г. в Архангельской губернии. Окончил Казанский ветеринарный институт. Проживал в Витебске, преподавал в Ветеринарном институте, профессор. В 1923 г. был арестован по групповому делу украинских профессоров-академиков, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Оренбург. С 1926 г. после освобождения проживал в Воронеже, преподавал в Ветеринарном и Всесоюзном сельскохозяйственном институтах, входил также в Комиссию Госплана по симментальскому скоту. Впоследствии был репрессирован. За короткий срок работы в Оренбурге В. А. Шадрин порайонно изучил хозяйство республики и пришел к заключению, что даже «земледельческая полоса» является самой мощной и устойчивой не только в отношении земледелия, но и скотоводства, а в районе скотоводческом (южном) оно является единственным источником существования населения. В целом его вывод был таков: Кир-республика благодаря ее климатическим и почвенным условиям, сельскохозяйственным, экономическим, естественно-историческим и национально-бытовым особенностям является страной по преимуществу скотоводческой [69].

Радикальными противниками «сплошного и всеобщего» перевода казахов к земледелию были сотрудники Наркомзема КАССР Д. Д. Букинич и М. Г. Сириус.

Дмитрий Демьянович Букинич (1882—1939) — ученый-археолог, почвовед, этнограф (хотя под своими статьями в «Советской Киргизии» он подписывался скромно — инженер Букинич). Им была создана схема истории ирригации в Средней Азии и карты почв Афганистана. Он дважды принимал участие в экспедициях в Афганистан, в 1924 г. — совместно с Н. И. Вавиловым, с которым еще до революции совершал поездки по Закаспию. Был соавтором Вавилова по книге «Земледельческий Афганистан» (1929). В 1928—1929 гг. станет участником Среднеазиатской этнографической экспедиции под руководством академика-востоковеда В. В. Бартольда [23, с. 113—118].

В начале XX века Д. Д. Букинич, являясь сотрудником отдела земельных улучшений Переселенческого управления, проводил работы в Хиве, верховьях Амударьи, на Памире, Каракумах. В 1918 г. его назначили заведующим ирригационной части отдела земельных улучшений Народного комиссариата земледелия РСФСР. Им был подготовлен проект мелиорационных работ в Средней Азии и удалось убедить Ленина в непродуманности дорогостоящих ирригационных работ в Туркмении, вследствие чего в 1919 г. это Управление было упразднено. В 1920—1923 гг. Дмитрий Демьянович заведовал Тургайской мелиоративной экспедицией Наркомзема. Мелиорация занимала большое место в вопросе землеустройства. В низовых советских и партийных органах даже существовала точка зрения, что полезнее направить государственные мероприятия и средства на орошение новых земель, расширение ирригационных сетей, а не на процесс уравнительного передела земли [1]. Д. Д. Букинич настаивал на использовании старых оросительных систем в Казахстане, а не на строительстве новых. В этой связи представляют интерес сделанные им этнографические зарисовки и подробные технические описания водоподъемных сооружений, применяемых в Иргизском и Тургайском уездах — «Атпа» и «Аяк-Чигирь» (рис. 1, 2) [28, с. 99, 100].

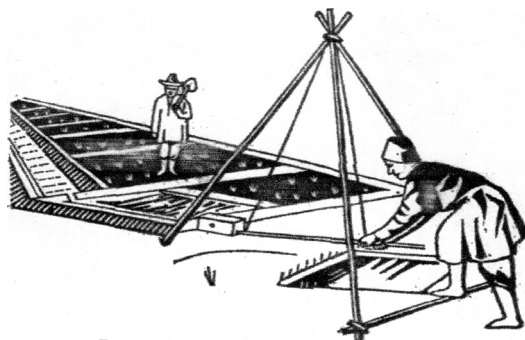

Рис. 1. «Атпа — самое примитивное водоподъемное сооружение, широко распространенное в Таупской и Аманкульской волости Иргизского уезда» [28]

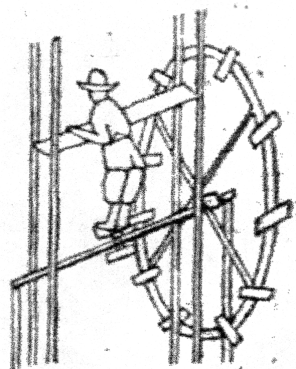

Рис. 2. «Аяк-Чигирь — ножной чигирь, применяемый в Кайдаульской волости Тургайского уезда (в верховьях Джиланчика)» [28]

Возглавляя Тургайскую мелиоративную экспедицию, Д. Д. Букинич подробно изучил характер речных долин и водные запасы Тургайской и части Западно-Сибирской низменности и выдвинул проект орошения Тургайских степей за счет пуска на юг избыточных вод Тобола, Иртыша и других сибирских рек. В качестве естественного канала он предложил использовать “великую озерную котловину”, восстановив древний проток, по которому когда-то воды Тургая и Иргиза вливались в Аральское море. Ниже слияния рек следовало поставить плотину для направления вод в Каракумы [61]. Представив на страницах «Советской Киргизии» ряд проектов по использованию текущих вод¹, другой исследователь — член Оренбургского отдела географического общества А. А. Венстрем — особо выделил проект Букинича, повторив его предупреждение, что выполнение проекта требует еще и нивелировочных работ, которые подтвердили бы возможность проведения Тургайских вод в глубь Кара-Кумов [14]. У нас недостаточно оснований проводить связь проектов Букинича со знаменитым Каракумским каналом, построенным во второй половине XX в., но тот факт, что идея обводнения великой пустыни Средней Азии присутствовала у мелиоратора-исследователя начала 1920-х гг., несомненен.

Д. Д. Букинич предлагал такие способы мелиорации, как регулирование стока рек, обводнение водоразделов и песчаных пространств и др., но ориентировал эти мероприятия не на орошение полей, а на увеличение сенокосных угодий для поддержания скотоводства [11]. Даже свою статью, посвященную мелиорации, он начинает со слов: «Малжан аман-ба? (Здоров ли твой скот?)». С такого вопроса начинает приветствовать «киргиз каждого встречного в пути, а потом уже спрашивается о здоровье самого собеседника и его семьи» [12]. Относительно перевода казахов к оседлости Букинич, отлично знающий природную среду их проживания и кочевания, утверждал, что казахское хозяйство всецело подчинено стихийным факторам и вынуждено оставаться скотоводческо-кочевым, по-видимому, навсегда и что это условие делает невозможным повсеместный переход от кочевого скотоводства к оседлому, «хотя бы полуземледелию, за исключением небольших отдельных районов» [54, с. 98—99].

Однако и развитие скотоводческого хозяйства не вызывало у Букинича оптимистических прогнозов. Для того чтобы заняться улучшением пород, необходимо было «если не совершенно устранить, то хотя бы значительно ослабить самый главный бич киргизских степей “джут”». Приводя факты гибели скота (например, в 1920 г. погибло до 70% скота в Иргизском и Тургайском уездах) и периодичности джутов, колоссальных потерь, которые терпит киргизское хозяйство, ученый тем самым обозначил причины его неустойчивости и малой производительности для внешнего рынка. В связи с этим не приходилось «рассчитывать создать из Киргизской республики вторую Австралию по добыче мяса, как думает агроном республики М. Г. Сириус».

Сотрудник Наркомзема агроном Михаил Гурьевич Сириус в оренбургский период занимал целый ряд ответственных постов: помощник начальника Главного управления коннозаводства и коневодства КАССР, зав. сельхозотделом в Наркомате земледелия, член коллегии Наркомзема, член Государственной Общеплановой комиссии, член президиума Госплана КАССР. В советской литературе по истории краеведения в Казахстане М. Г. Сириуса обвиняли в том, что он «не верил в силы и способности казахского наро-

¹ В частности, грандиозный проект Киргизско-Туркестанского водного и оросительного пути от предгорий Алтая и Тянь-Шаня к Черноморью длиной 2700 верст предполагал отвести Иртышскую воду в направлении Аральского моря и, не доходя до него, продолжить движение воды к Каспийскому морю, к заливу Мертвый Култук. Авторы проекта полагали, что этот водный путь позволит экспортировать «сырые продукты» — соль, хлеб, уголь и т.д. в западном направлении с большей выгодой, чем по железным дорогам, учитывая и оросительную роль канала. Однако Госпланом он одобрен не был как недостаточно обоснованный.

да» преодолеть отсталость и «закрывал глаза на огромную работу партии и правительства по социалистическому переустройству [казахского] хозяйства» [44, с. 296]. Причем Э. А. Масанов использовал для своих выводов две его статьи за 1926 и 1928 гг., а С. Ш. Ахметова давала ссылку лишь на одну страницу из статьи за 1923 г. [8, с. 90]. Между тем М. Г. Сириус серьезно занимался экономическими исследованиями. В своих работах начала 1920-х гг. пытался научно обосновать перспективы развития кочевого хозяйства и разработал целый ряд мер, чтобы осуществить «главную задачу — накормить все население». Сириус предлагал в ближайшие 15 лет — к 1940 г. — осуществить переход к земледелию не более 5—5,5% казахского населения, а темпы коллективизации впоследствии намечал еще более медленные [51; 52; 53]. Вскоре русский ученый будет зачислен в разряд защитников казахских эксплуататоров: «Все эти... сириусы являлись открытыми выразителями интересов казахского кулачества — баев-полуфеодалов» [10, с. 97—98]. Теперь, когда известно, какие катастрофические последствия имел массовый перевод кочевников Средней Азии к оседлости, необходимо знать, что еще в 1920-е гг. оренбургские исследователи-практики — Л. Кенарский, М. Сириус, Д. Букинич¹ и другие — пытались указать наиболее оптимальные пути модернизации кочевого хозяйства и фактически предотвратить массовую гибель населения от голода.

Главным оппонентом ученых из Наркомзема выступало Центральное статистическое управление (ЦСУ) КАССР (заведующий И. П. Крутилин). ЦСУ ежегодно издавало свои материалы в «Статистическом вестнике» и статистико-экономических «Обзорах КАССР». Наиболее последовательно отстаивал неизбежность перехода номадов к земледелию М. К. Янковский [71; 72], изучавший историю колонизации в крае с опорой на внушительную статистическую базу. В одной из своих статей он раскрывает положение о так называемой «русской степи», образовавшейся в результате колонизации в ряде районов Казахстана, которая изменила вековой уклад жизни «аборигенов» края. Кочевое землепользование, по его убеждению, «отошло уже в область воспоминаний» [71].

Другой оппонент — Л. Карвин — опубликовал «ответ на некоторые неверные выводы т. Букинича...» [31]. Сравнивая дореволюционный Казахстан и советский, он использовал яркие эпитеты: кровавая рука царизма, рой миссионеров — ловцов душ, деятели из преступного бывшего переселенческого управления, которые «в течение 2—3 веков планомерно отметали киргизские массы от лучших земель», ставил под сомнение влияние русской земледельческой культуры переселенцев и казаков на «наивных кочевников-киргиз». Карвин убеждал, что вся обстановка их жизни «так была построена, что иного, кроме кочевого быта, нельзя было ожидать и иметь»; теперь же киргизская кочевая масса стихийно идет к Уралу и «обоседливается», причем без пропаганды со стороны «Губзо» и уездных центров. Возрождение киргизской массы, ее культурный подъем, по утверждению автора, начнется на другой день после «обоседления». При сохранении же кочевого быта киргизы быть культурными, сильными не могут — «через 1—2—3 века вымрут, сойдут с исторической сцены, как [некоторые] племена Сибири». Поэтому Л. Карвин считает устаревшим и в корне неверным утверждение Д. Букинича о том, что киргизское хозяйство вынуждено оставаться скотоводческо-кочевым надолго, «по-видимому, и навсегда». Наоборот, «наперекор предсказаниям Седельникова, Букейханова, Букинича и др. киргизы... начинают оседать, переходить к новому быту» [31]. Включение Д. Д. Букинича в один ряд с Букейхановым и Седельниковым требует отдельных пояснений.

Т. И. Седельников (1876—1930) в оренбургском краеведении фигурирует в основном как активный политический деятель — депутат I Думы от казачества Оренбургской губер-

¹ В 1939 г. Д. Д. Букинич покончил жизнь самоубийством, не выдержав травли. Н. И. Вавилов написал о нем очерк в «Известиях Всесоюзного географического общества» (1939. № 5).

нии и как участник установления советской власти в Оренбурге, сотрудник СНК РСФСР, выполнявший различные поручения, в том числе и по распоряжению лично Ленина. До революции после окончания Уфимского землемерного училища он работал землемером в Уральской переселенческой партии, в уездах Сибири и Оренбургской губернии. В Думе Седельников активно выступал по целому ряду вопросов, в том числе аграрному. Некоторые краеведы сегодня полагают, что I Думу распустили из-за нашего земляка, так как именно он в своих выступлениях поставил аграрный вопрос во главу угла. Охарактеризовав землеотводные работы в Степном крае, Седельников предложил прекратить изъятие земель у «иногородцев». В 1907 г. была издана его книга «Борьба за землю в киргизской степи», в которой он критически обрисовал проведение колонизационной политики землеустройства и процесс оседания казахов. К 1920-м гг. эта книга стала своеобразной классикой (к ней и сейчас апеллируют исследователи), не случайно Д. Д. Букинич взял из нее отрывок в качестве эпиграфа к одной из своих статей. В октябре 1921 г. Т. И. Седельников был утвержден членом коллегии Наркомата земледелия РСФСР, ответственным за работу по мелиорации и землеустройству. Это же направление, как было указано выше, в 1918 г. было поручено Д. Д. Букиничу. Таким образом, в Наркомземе РСФСР в начальный период советской власти по меньшей мере двое — Букинич и Седельников — имели опыт работы в учреждениях Переселенческого управления, занимались вопросами мелиорации и оба были противниками насильственного перевода казахов к оседлости. Судя по публикациям Букинича, они с Седельниковым были единомышленниками, так же как и с Букейхановым, — не случайно Л. Карвин именно их троих представил апологетами отжившего казахского хозяйства и быта¹.

Оценить научное влияние А. Букейханова на землеустроительную политику советской власти представляется более сложным — было ли оно непосредственным или опосредованным ввиду его общепризнанного авторитета. Имя Алихана Букейханова (Букейхана) (1866—1937) является знаковым в истории Казахстана первой трети XX в. не только как лидера «Алаш» и выдающегося общественно-политического деятеля, но и как ученого-энциклопедиста (экономиста, историка, литературоведа, специалиста по сельскому хозяйству и животноводству), автора ряда фундаментальных научных трудов, внесших вклад в становление и дальнейшее развитие целого ряда отраслей казахстанской науки. Впервые анализ научного наследия ученого был представлен в монографии М. Х. Асылбекова и Э. Т. Сеитова [7], а конкретно по вопросу перехода казахов к оседлости — в работах Р. Ж. Кадысовой [28].

Объектом исследований А. Н. Букейханова оказался широчайший спектр проблем, касавшихся истории коренного населения Казахского края, его социально-экономической и культурной жизни, значительное место занимали аграрный и переселенческий вопросы. Он принимал участие в статистико-экономических, научно-исследовательских экспедициях Ф. А. Щербини и С. П. Швецова и, что особенно важно, в подготовке к изданию собранных по итогам экспедиций материалов. Не случайно Всероссийский мусульманский съезд в мае 1917 г. выдвинул А. Букейханова на пост заместителя министра земледелия [25, с. 71].

Его заслуги как ученого признавали и большевики: председатель СНК КАССР В. Радус-Зенькович на I Казахстанской партконференции в 1921 г. отозвался о Букейханове как о «лучшем знатоке края». В 1925 г. А. Букейханова пригласят в Особый комитет при Академии наук в качестве эксперта по Казахстану, а в 1926 г. он будет назначен в экспедицию Академии наук в Адаевском уезде руководителем исследовательской партии,

¹ Т. И. Седельников и А. Букейханов вместе выступали в I Думе за справедливое землеустройство и за присутствие казахских депутатов в Думе, вместе подписывали «Выборгское воззвание» 1906 г.

причем по личному приглашению председателя Особого комитета академика А. Е. Ферсмана. Собранные им материалы были изданы в трудах экспедиции [7, с. 114]. Помимо этого Букейханов примет участие и в работе антропологической экспедиции Особого комитета АН СССР по приглашению руководителя экспедиции — известного российского археолога и антрополога С. И. Руденко [9].

А. Букейханов научно обосновал экономическую невыгодность применения в казахских степях методов ведения хозяйства, практиковавшихся переселенцами, ибо степь с ее тонким верхним плодородным слоем, быстро истощавшимся после интенсивной обработки, была более приспособлена для традиционного кочевого, полукочевого и оседлого скотоводческого хозяйства, нежели для земледелия. Обращая особое внимание на тесную взаимосвязь культурно-хозяйственной жизни казахов и природно-климатических условий проживания, он выступал против «революционной ломки» сложившихся отношений, за необходимость эволюционного пути развития казахского общества [7, с. 111—112].

Однако все основные труды («Киргизы», «Исторические судьбы Киргизского края» и др.) были написаны Букейхановым до революции, а прямых свидетельств критики аграрной политики советской власти автором настоящей статьи не обнаружено. Тем более что в начале 1920-х гг. он полностью отстранился от политической деятельности («советскую власть не любил, но признал»). Тем не менее историки движения «Алаш» утверждают, что вплоть до 1930-х годов А. Н. Букейхан фактически продолжал активно влиять на общественно-политическую, культурную жизнь в Казахстане через своих соратников в госаппарате, а также и на всю печать о Казахстане¹. Безусловно, его научно-практический опыт в изучении казахского хозяйства имел большое значение и для бывшего члена «Алаш» — наркома земледелия А. Алибекова.

В этой связи остается до конца не ясным вопрос о предполагаемой работе А. Букейханова в Наркомземе КАССР. По данным Султан-Хана Акулы, много лет занимающегося изучением жизненного пути «лидера нации», он работал в структурах Наркомзема с перерывами в 1920—1921 гг. (до своего первого ареста и препровождения в Москву) и в 1923, 1927 гг. В эти короткие промежутки успел изучить состояние сельского хозяйства Каракалпакской автономной области, ранее мало изученной им самим, и опубликовал научно-аналитический очерк «Сельское хозяйство Кара-Калпакской области» в журнале «Народное хозяйство Казахстана». В Наркомземе Букейханов якобы занимал должность начальника Центрального управления землеустройства [47].

Однако в биографическом справочнике «Наркомы Казахстана. 1920—1946» (2007), где указаны не только наркомы, но и все их заместители и члены коллегий, его нет. В оренбургских источниках также не найдено подтверждений работы Букейханова в Наркомате земледелия. Например, в «Статистико-экономическом обзоре КАССР» за 1923 г. в указателе сотрудников комиссариатов его имя в составе коллегии Наркомзема отсутствует [66]. М. Х. Асылбеков и Э. Т. Сеитов указывают на его работу в Наркомземе в 1924 г. Авторы ссылаются на «Протокол № 5 заседания рабочей комиссии по выработке норм земельного обеспечения по Казахской АССР, выработанных на основании Положения о сплошном землеустройстве Казахской ССР от 17.04.1924 г.». На этом заседании присутствовали С. П. Швецов как представитель Казахстана от АН СССР и Букейхан — от Наркомата земледелия [7, с. 114]. Досадно, что авторы ограничились лишь констатацией факта и не раскрыли содержание документа. В протоколе должны быть застенографированы выступления участников заседания, в том числе и Букейханова, если он там при-

¹ С 1922 по 1927 г. Букейханов был литературным сотрудником Казахской секции Центрального издательства народов СССР в Москве.

существовал. Можно было бы составить представление о его действительном отношении к советской аграрной политике, как и к «Положению о сплошном землеустройстве», призванному сыграть столь важную роль. Султан-Хан Акулы, в свою очередь, также дает ссылку на это же архивное дело ЦГА РК с точностью до листов — однако подтверждает им совсем другие протоколы, за другие годы [47].

Вероятнее всего, в штатных единицах Наркомзема Букейханов все-таки не состоял. Возможно, А. Алибеков использовал его как внештатного сотрудника. С точностью о его фактическом присутствии в Оренбурге после революции мы можем говорить лишь относительно 1920 г. В октябре он был делегатом Учредительного Съезда Советов КАССР, в ноябре, при создании Казгосиздата, вошел в состав редколлегии как представитель Наркомзема [67, л. 9]. И в этом же году был приглашен в Общество изучения Киргизского края — в протоколе организационного заседания А. Букейханов значится в составе историко-архивного отдела [68, л. 4]. Следует заметить, что в литературе советского периода по истории краеведения в Казахстане в разделах об этом краеведческом обществе его имя даже не упоминалось.

Общество изучения Киргизского края (ОИКК) было образовано в Оренбурге 15 октября 1920 г. Членами-учредителями Общества были представители советской власти самого высокого для республики ранга: председатель КирЦИКа С. Мендешев и начальник штаба Кирвоенкомата А. Турский. Перед ОИКК была поставлена задача всестороннего изучения края — в историческом, этнографическом, естественно-географическом, экономическом и других отношениях. Общество просуществовало 12 лет, и первый период — 1920—1925 гг. (Оренбургский) — был наиболее эффективным, по мнению большинства исследователей [58, с. 136; 8, с. 85; 62, с. 160].

В условиях аграрных преобразований в КАССР важную роль выполнял естественно-географический отдел ОИКК. Естественнонаучное обследование территорий должно было сыграть важную роль в политике землеустройства. Следует заметить, что ряд действительных членов Общества также являлись сотрудниками Наркомзема республики. М. Г. Сириус, например, в 1923 г. был избран председателем правления ОИКК, а вступил в Общество с момента его основания — он назван в протоколе среди «прибывших по объявлению в газете» [68, л. 4]. Сотрудником Наркомзема являлся член естественно-географического отдела ученый-почвовед Михаил Иванович Рожанец (1890—1948), ученик С. С. Неуструева. До революции он входил в состав Докучаевского почвенного комитета (1912), организованного К. Д. Глинкой и С. С. Неуструевым. Когда в 1915 г. Неуструева пригласили в Оренбург на должность заведующего почвенными исследованиями Оренбургской губернии (по линии Переселенческого управления), он предложил М. И. Рожанцу принять участие в обследовании края — так Михаил Иванович оказался в Оренбурге (до 1927 г.), заведовал почвенно-ботаническим бюро губернского земельного управления. По плану Неуструева эти работы должны были выполняться с 1910 по 1920 г. Впоследствии Рожанец, так же как и И. В. Ларин, по приглашению С. С. Неуструева примет участие в академической экспедиции 1926 г. В Оренбурге М. И. Рожанец написал капитальный труд «Природные условия КССР (опыт естественно-географического районирования)». В нем и других работах давалось обстоятельное описание всех видов почв республики с указанием определенной территории [62, с. 163]. Опираясь на данные М. И. Рожанца, исследователь-почвовед Р. Аболин в 1927 г. доказывал, что единственным возможным хозяйством в Южном Казахстане является только пастбищное животноводство [44, с. 296].

Супруга М. И. Рожанца — Софья Евгеньевна Кучеровская-Рожанец — принимала участие в почвенных и мелиоративных экспедициях Наркомзема и определила все бо-

танические коллекции, собранные в 1923—1924 гг. в Адаевском, Тургайском и Орском уездах [16, л. 35]. Она опубликовала в «Трудах» объемную работу «Растительность Семипалатинской губернии», осветив всю историю ботанического исследования губернии. В ней перечислены экспедиции и путешествия известных ученых (С. Гмелина, И. Фалька, П. Палласа, И. Сиверса, К. Мейера, П. Семенова, Г. Карелина, А. Сидельникова и др.), приводятся маршруты путешествий исследователей. В конце статьи дана обширная библиография и список путешественников-ботаников, а также лиц, принимавших участие в обработке собранных материалов [60, с. 1—98 (107—205)].

Именно в «Трудах» Общества увидели свет монографии выдающегося ботаника-географа, флориста-систематика, геоморфолога и географа, знатока растительности и ландшафтов лесостепной, степной и пустынной зон Южного Урала и Казахстана Ипполита Михайловича Крашенинникова (1884—1947) «Киргизские степи как объект ботанико-географического анализа и синтеза» (1923) и «Растительный покров Киргизской республики» (1925). Последний труд в условиях проводимого советской властью районирования был одним из немногих исследований того времени, наиболее полно освещавших растительность Казахстана по географическим районам. В первой главе представлены основные виды степной растительности края, во второй и третьей дается подробное описание растений районов республики, четвертая глава характеризует пустынную растительность, пятая — горную [37]. И. М. Крашенинников имел большой опыт научно-исследовательской работы в учреждениях Переселенческого управления, был участником Оренбургской экспедиции Неуструева, а в 1926 г. примет участие в Казахстанской экспедиции Академии наук.

Следует заметить, что работа в Наркомземе КАССР и ОИКК сотрудников бывшего «преступного» (по выражению Л. Карвина) Переселенческого управления «царской России» воспринималась многими партийными современниками подозрительно. В монографии Ж. У. Кыдыралиной приводится характерная для того времени цитата: «Переселенческие чиновники старого режима, а ныне спецы Наркомзема снова начинают поднимать свои колонизаторские головы». Как мы показали, результаты научных исследований ученых в целом противоречили установке на сплошное землеустройство и тем самым нарушали ориентиры советских преобразований. С другой стороны, деятельность ученых-чиновников была крайне востребована в 1920-е гг. В 1924 г. ОИКК принят пятилетний план, согласно которому члены Общества должны были принять активное участие в разработке естественно-исторического районирования, картографии, дальнейшем изучении природных условий КАССР, вредителей сельского хозяйства. Планировалось создание гидрографической комиссии для организации систематических наблюдений за водным режимом рек и озер. Ставилась также задача популяризации научных знаний посредством печати и публичных лекций. В обществе наметилась тенденция согласовывать свою работу с требованиями и заданиями наркоматов республики [8, с. 93—94].

В 1924 г. Наркомзем выделил ОИКК 300 руб. на издание работ по районированию [16, л. 42]. Нарком А. Алибеков содействовал изданию капитальных трудов М. И. Рожанца, И. М. Крашенинникова и др. — они выходили отдельными книгами в Оренбурге под грифом Наркомата земледелия КАССР. Если и ставить вопрос о взаимоотношениях власти и научного сообщества по одной из ключевых проблем — землеустройству, то следует отойти от обобщений «советская власть» и т.п., а говорить о конкретных практических шагах отдельных ее представителей — в данном случае Алиаскара Алибекова, — направленных на поддержку ученых и их исследовательской деятельности.

В 1925 г. Наркомзем во главе с А. Алибековым, приступая к работе по установлению норм земельных наделов для населения Республики, поручил выработку норм

С. П. Швецову. Сергей Порфирьевич Швецов (1858—1930) — выдающийся статистик, исследователь социальных аспектов быта народов Сибири и Средней Азии — был давним товарищем Алихана Букейханова по дореволюционной работе в экспедициях Переселенческого управления (Щербины и др.). До революции С. П. Швецов, как опытный статистик, привлекался к работам по обследованию районов строящихся железных дорог в азиатской части России, в том числе в 1911 г. — Оренбургской (Ташкентской) железной дороги. В 1926 г. он будет назначен руководителем статистико-экономического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР. Выполнение поручения А. Алибекова он начал с того, что собрал и систематизировал имеющийся материал, освещавший с различных сторон как казахское хозяйство, так и быт казаков и русских переселенцев, историю их земельных отношений. Большое внимание было уделено также сбору материалов естественнонаучного характера, в том числе оренбургских исследователей.

В итоге он подготовил обобщающий труд «Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской автономной советской социалистической республике», который был издан Наркомземом КАССР в 1926 г. [29]. Современные исследователи зачастую представляют в ссылках это издание как авторское — лично Швецова. Между тем это был коллективный труд под его редакцией. Книга состоит из очерков, создающих в целом общую картину Казахстана в аспекте хозяйственного использования: климата (М. Г. Сириус), почв (Л. И. Прасолов), гидрологических особенностей (А. А. Козырев), растительного покрова (И. М. Крашенинников), анализа норм земельного надела экспедиции Щербины по ряду уездов (И. В. Ларин). Ряд статей подготовил и сам С. П. Швецов (о территории, населении, переселенческой колонизации, о связи быта с природой Казахстана). Исследования ученых перекликались между собой: так, И. М. Крашенинников апеллировал к данным М. И. Рожанца, С. П. Швецова — к М. Г. Сириусу и т.п. В статье «Природа и быт Казахстана» Швецов вывел общее заключение: «В диких степях с редкими и скудными водными источниками человек может вести только скотоводческое хозяйство, притом хозяйство кочевое». Традиционность кочевого хозяйства он аргументировал тем, что растительность в таких местах скудная, пригодная для корма скота относительно короткое время, и скот вынужден передвигаться за кормом с места на место, иногда на огромные расстояния. «Устраните это периодическое передвижение скота, — пишет Швецов, — и казаху нечего в ней будет делать, так как никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню...». Надо удивляться не тому, что казахи до сих пор сохранили кочевой быт, — заостряет автор, — а тому, как они сумели при помощи кочевания овладеть сухими безводными степными пространствами и установить постоянное их хозяйственное использование. «Уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собою не только гибель казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни» [29, с. 103].

Так же как и другие «защитники кочевого быта», Швецов выступал за постепенное эволюционное «наступление цивилизации» и при этом опровергал мнение об отсталости кочевого скотоводства. В процессе модернизации, по его убеждению, необходимо прежде всего учитывать природные закономерности Степи.

Таким образом, С. П. Швецов предоставил совсем не те «материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской автономной советской социалистической республике», которые ожидали в Центре и республиканском партийном руководстве. Можно было бы упрекнуть его в тенденциозности, если бы не столь глубоко исследованные природные условия Казахстана, представленные в сборнике учеными-естественниками, далекими от политики. Тем не менее «материалы Швецова» шли вразрез с правитель-

ственными директивами, что давало основание причислить ученого к противникам социалистического строительства.

Впоследствии, как мы знаем, идеологический контроль в СССР будет распространяться и на естественные науки. Г. Ф. Дахшлейгер в одной из своих ранних работ следующим образом освещал обстоятельства создания коллективного труда «Казахское хозяйство...»: «Наркомзем Казахстана поручил тому же С. П. Швецову руководство работой по определению норм земельных наделов. А он и его группа, в состав которой был привлечен бывший лидер националистической партии Алаш А. Букейханов, исходя из своих ложных методологических посылок, действовали в обход партийных и государственных директив по земельному вопросу, чем существенно мешали развитию оседания» [17, с. 11]. Нарком земледелия А. Алибеков, фактически организовавший работу ученых, в октябре 1926 г. был снят с должности и назначен начальником Казахского управления водного хозяйства, занимался вопросами мелиорации. В 1937 г. Алиаскар Алибеков покончит жизнь самоубийством. К концу 1920-х гг. были прекращены исследования колонизации и переселения. Допускавшееся в первой половине 1920-х гг. сосуществование различных концепций и идей было недолговременным, и своевременное предупреждение представителей казахской и русской интеллигенции об эволюционном подходе к процессу землеустройства не было учтено централизованной властью. Тем не менее, как отмечалось в литературе советского периода, по просьбе СНК Казахстана Академией наук в 1926 г. было начато рассчитанное на пятилетие комплексное обследование Казахской АССР. Если такая инициатива действительно имела место, то она должна была по официальным каналам исходить от председателя СНК КАССР Ныгмета Нурмакова (1924—1929), и именно в начальный период его руководства Республикой развернулась столь активная работа ученых¹.

Оренбургский период 1920—1925 гг. был в истории Казахстана *первым опытом научного подхода* к советской политике землеустройства с перспективой направить аграрные преобразования в русло целесообразного и рационального освоения земельных ресурсов. В результате обстоятельного изучения природно-климатического, ландшафтного состояния географических зон, а также социально-экономического положения казахского аула учеными был выдвинут ряд теоретических разработок о перспективах существования и развития казахского хозяйства, о целесообразности оседания или кочевания, о возможных путях и методах землеустройства населения и необходимости научного освоения земельных ресурсов КАССР. Не учтенный федеральной властью и отвергнутый краевой — как антисоветский и классово чуждый — «оренбургский опыт» был оценен Академией наук СССР. Целый ряд исследователей, упоминаемых в данной статье, были приглашены для работы в составе Комплексной экспедиции Академии наук СССР (1926—1927), которая осуществила статистико-экономическое, почвенно-ботаническое, геологическое, гидрогеологическое, антропологическое, этнографическое обследование всего Казахстана. Это — И. В. Ларин, С. С. Неуструев, А. Н. Букейханов, С. П. Швецов, М. И. Рожанец, С. Е. Рожанец-Кучеровская, И. М. Крашенинников.

К сожалению, автору статьи не удалось обнаружить в современной историографии исследования, посвященного Казахстанской экспедиции 1926—1927 гг. Необходимость такого труда с учетом новых подходов давно назрела. Мы могли бы проследить не только преемственность с оренбургским научным опытом, но и установить действительную

¹ В 1937 г. приговор в отношении Н. Нурмакова будет приведен в исполнение в один день с А. Букейхановым, по одному «расстрельному списку 1-й категории». Символом единства национальной интеллигенции, не зависящего от политических убеждений, является установленная недавно на кладбище Донского монастыря в Москве на месте общей могилы жертв репрессий плита с двумя именами и портретами — Букейханова и Нурмакова.

степень влияния академической экспедиции на дальнейшее развитие Казахстана и казахстанской науки в переломный для Республики период.

Список использованных источников и литературы

1. Абдурахманов Н. А. Из истории политики землеустройства казахского населения в 1917—1927 гг. Роль национальной интеллигенции в разрешении земельного вопроса [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/11136> (дата обращения: 03.02.2017)
2. Абсеметов М. О., Зиновьев В. П. К вопросу об особенностях процесса модернизации Казахстана в 1920—1940-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 19—23.
3. Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920—1930-е гг.). Алма-Ата : Гылым, 1991. 240 с.
4. Алексеенко А. Н. Сельское население Казахстана. 1920—1990 гг. Алматы : Гылым, 1994. 230 с.
5. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1717. Оп. 1. URL: <http://isaran.ru/bookreader/bookreader.php?guid=368DDABC-FA5D-F40B-9832-E873BDD1C3EA&ida=1&kod=4#page/4/mode/2up> (дата обращения 20.05.2017)
6. Асылбеков М. Х., Галиев А. Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917—1980). Алма-Ата : Гылым, 1991. 192 с.
7. Асылбеков М. Х., Сеитов Э. Т. Алихан Букейхан — общественно-политический деятель и ученый. Алматы : Өркениет, 2003. 148 с.
8. Ахметова С. Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан, 1982. 169 с.
9. Баронов С. Ф., Букейхан А. Н., Руденко С. И. Казаки. Антропологические очерки. Л. : Издание особого комитета Академии наук по исследованию союзных и автономных республик, 1927. 224 с. (С. 58—82: Очерк Букейханова «Казаки Адаевского уезда»)
10. Бочагов А. К. У истоков. Воспоминания. Алма-Ата : Казахстан, 1972. 107 с.
11. Букинич Д. Еще к мелиорации центрального района Киргизского края // Советская Киргизия. 1924. № 5—6. С. 109—116.
12. Букинич Д. Задачи мелиорации в центральном районе Киргизской Республики (в Тургайском и Иргизском уездах). (В дискуссионном порядке) // Советская Киргизия. 1924. № 1-2 (4-5). С. 96—109.
13. Великая трагедия степи. Голод 1918—1924 годов [Электронный ресурс]. URL: <http://economics.kazgazeta.kz/?p=2193> (дата обращения 03.02.2017)
14. Венстром А. А. Из материалов по использованию текущих вод в Киргизском крае // Советская Киргизия. 1924. № 7. С. 70—78.
15. Годовой отчет Народного комиссариата земледелия за операционный 1923—24 год / КССР, Нар. ком. земледелия ; под общ. ред. замнаркомзема С. К. Карпенко. Оренбург, 1925. 164 с.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 274.
17. Дахшлейгер Г. Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3—23. URL: http://journal.ica.ras.ru/archive/1960s/1966/Dakhshleiger_1966_4.pdf (дата обращения 25.05.2017)
18. Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. Н. История крестьянства советского Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1985. Т. 1. 247 с.
19. Джандосов О. Доклад о земельной политике // Советская степь. 1925. 10 дек.
20. Донцова З. Н. Сергей Семенович Неуструев (1874—1928) / АН СССР. М. : Наука, 1967. 200 с.
21. Ермеков Алимхан Абеуович [Электронный ресурс]. URL: http://www.inform.kz/ru/ermekov-alimhan-abeuovich_a2205153 (дата обращения 23.02.2017)
22. Ибрагимова Г. Е. Альтернативные концепции землеустройства населения Казахстана в 20-е гг. (к вопросу о взглядах национальной интеллигенции) // Казахстан между Западом и Востоком: проблемы национальной и всемирной истории : науч. сб. Караганда : КарГУ, 2000. С. 136—145.
23. Историография общественных наук в Узбекистане: Библиограф. очерки / сост. Б. В. Лунин ; редкол.: И. А. Муминов (предс.) [и др.] ; АН Узб. ССР, Ин-т истории. Ташкент : ФАН, 1974. 386 с.
24. Историческая география СССР : учеб. пособие для ист. фак. ун-тов / В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. М. : Высш. школа, 1973. 319 с.
25. История западного отделения Алаш-Орды : сб. документов и материалов / под общ. ред. М. Н. Сдыкова. Т. 1. Уральск : Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2012. 464 с.
26. История Казахстана с древнейших времен : учебник / С. Д. Асфендияров. 3-е изд. Алматы : Санат, 1998. 304 с.

27. Исааков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 г.). М. : ИРИ РАН, 2003. 476 с.
28. Кадысова Р. Ж. Советская модернизация Казахстана (1917—1940 гг.). Историография проблемы. Алматы : Гылым, 2004. 288 с.
29. Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях / под ред. С. П. Швецова ; Народный комиссариат земледелия КАССР. М., 1926. 200 с. URL: <http://nblib.library.kz/elib/Sait/Редкие%20книги/01-08-2013/Казахское%20хозяйство/11.html#4> (дата обращения 01.06.2017)
30. Казиев С. Ш. Переселенческий вопрос в национальной политике советского государства в Казахстане в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 3 (26). С. 116—124.
31. Карвин Л. О стихийном переходе киргиз кочевников Уральской губернии к оседлости (Ответ на некоторые неверные выводы т. Букинича в дискуссионной статье «Задачи мелиорации в центральном районе Кирреспублики...») // Советская Киргизия. 1924. № 7. С. 66—69.
32. Кенарский Л. Дифференциация киргизского хозяйства // Советская Киргизия. 1924. № 5—6. С. 96—105.
33. Кенарский Л. Колонизация и переселение в Киргизский край (Историческая справка) // Советская Киргизия. 1924. № 11—12. С. 136—145.
34. Кенарский Л. Противоречия учета // Советская Киргизия. Оренбург, 1924. № 8, 9. С. 33—45.
35. Козлов А. П. Истоки аграрной политики советской власти в Казахстане в 1920-е гг. // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. 2015. № 9.3 (69). С. 823—829.
36. Козыбаев М. К. История и современность. Алма-Ата : Гылым, 1991. 256 с.
37. Крашенинников И. М. Растительный покров Киргизской Республики // Труды Общества изучения Киргизского края. 1924. Оренбург : Русско-киргизская типография Киргосиздата, 1925. Вып. 6. С. 1—104.
38. Кто он, Тель Жаманмурынов? [Электронный ресурс] // Актюбинский вестник. 2013. 30 мая. URL: <http://www.nomad.su/?a=15-201305310013> (дата обращения 30.03.2017)
39. Кыдыралина Ж. У. Нация и история. Астана : Елорда, 2009. 304 с.
40. Лабузов В. А. Прерванный выбор. Оренбургская деревня в 20-х — начале 30-х годов XX столетия. М. : Просвещение, 2003. 400 с.
41. Ларин И. В. Очередность изучения Киргизии (в порядке обсуждения данного вопроса) // Советская Киргизия. 1924. № 11—12. С. 10—18.
42. Мартин Терри. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой ; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 662 с.
43. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы : Социнвест ; М. : Горизонт, 1995. 320 с.
44. Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата : Наука, 1966. 321 с.
45. Мендешев С. Национально-территориальное размежевание Средней Азии и Киргизская ССР // Советская степь. 1924. 14 окт.
46. Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России) [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. Электронный научный журнал. 2015. Т. 2, № 3. С. 87—141. URL: https://demreview.hse.ru/data/2016/02/12/1140704068/1DemRev_2_3_2015_87-141.pdf
47. «Московская клетка» для лидера нации (Часть четвертая) (Султан-Хан Аккулы) [Электронный ресурс]. URL: <https://planetanype.ru/moskovskaya-kletka-dlya-lidera-natsii-ch/> (дата обращения 30.03.2017).
48. Насенов Б. Халық жаулары. Жетінші бөлім, оныншы кітабынан. Алматы ; Новосибирск : Тамыз, 2005. 181 с. URL: <http://kaz2.docdat.com/docs/index-146587.html?page=25> (дата обращения 30.04.2017).
49. Садвокасов С. Основные проблемы, возникшие при районировании Киргизии // Советская Киргизия. 1923. № 2-3. С. 13—17.
50. Садвокасов С. Основные проблемы, возникшие при районировании Киргизии (Окончание) // Советская Киргизия. 1924. № 1-2. С. 36—42.
51. Сириус М. На пути к производственному плану в сельском хозяйстве // Советская Киргизия. 1924. № 1—6.
52. Сириус М. О нормах землепользования для кочевого населения КССР // Советская Киргизия. 1925. № 5—6.
53. Сириус М. План восстановления сельского хозяйства КССР // Советская Киргизия. 1924. № 7. С. 50—63.
54. Советская Киргизия. 1924. № 1—2 (4—5).
55. Советская Киргизия. 1924. № 5—6.

56. Статистический вестник. Оренбург : Гос. типо-литография № 1 Управполиграфпрома по Управ-
промгубу, 1923. № 2. 139 с.
57. Степная правда. 1923. 21 марта. № 60.
58. Сулейменов Р. Б., Бисенов Х. И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов:
[история строительства советской культуры Казахстана: 1917—1965 гг.] / Акад. наук Каз. ССР, Ин-т исто-
рии, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата : Наука, 1967. 424 с.
59. Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края. 1921. Вып. 1. Оренбург : Типография
М. Н. Махова, 1921. 111 с.
60. Труды Общества изучения Киргизского края. 1924. Вып. 6. Оренбург: Русско-киргизская типогра-
фия Киргосиздата, 1925. 291 с.
61. Труды Тургайской мелиоративной экспедиции за 1920—1923/24 годы / ред. Д. Д. Букиннич. Таш-
кент : Казнаркомзем, 1930. 196 с.
62. Тугай Т. И., Алятина А. Г., Дегтярева Н. А. Природоохранное направление в хозяйственной, обще-
ственной и научной жизни Южного Урала накануне и после падения самодержавия // Исторические, фило-
софские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов :
Грамота, 2017. № 3. Ч. 1. С. 159—165.
63. Тугай Т. И. Ахмет Байтурсунов в Оренбурге. Первый нарком Просвещения КАССР // История
Западного Отделения Алаш : сб. науч. статей / под общ. ред. М. Н. Сдыкова. Уральск : Западно-Казахстан-
ский Центр истории и археологии, 2012. С. 299—313.
64. Тугай Т. И. Казахская и русская интеллигенция в первых органах власти КАССР // Российская
нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. /
под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург : ГУП Оренб. обл. «Бузулукская типография», 2011. С. 117—127.
65. Федченко Б. А., Ларин И. В. Растительность Уральской губернии // Труды Общества изучения Ка-
захстана. Кызыл-Орда, 1926. Т. 4, ч. 4, вып. 1. С. 109—193.
66. Центральное статистическое управление СССР. Статистико-экономический обзор Киргизской Со-
ветской Социалистической Республики. Оренбург : Типогр. № 1, 1923. С. 180—182.
67. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 920. Оп. 1. Д. 20.
68. ЦГА РК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 1.
69. Шадрин В. А. Скотоводство в Кирреспублике // Советская Киргизия. 1924. № 8-9. С. 62—70.
70. Шаумян М. Х. От кочевья к социализму. Алма-Ата : Казахстан, 1965. 200 с.
71. Янковский М. К. Колонизация КССР // Статистико-экономический обзор Киргизской Совет-
ской Социалистической Республики. Оренбург, 1923. С. 224—233.
72. Янковский М. К. Земельное исследование в Киргизской Республике // Статистический вест-
ник / Центральное статистическое управление КССР (Оренбург). 1923. № 1. Оренбург : Тип. Оренполи-
графпрома № 8, 1923. С. 106—111.

Поступила в редакцию 15.04.2017

Тугай Татьяна Ивановна, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Оренбургский государственный университет
Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
E-mail: tatyanaatugai@mail.ru

UDC 94 (470+571)“192”

Т. И. Тугай

On the experience of scientific substantiation of land planning by the Kazakh population in the 1920

The article analyzes the Soviet agrarian policy and the attempts to give scientific justification of the Kazakh economy modernization during the “Orenburg” period (1920—1925), made by scientists and officials in practice and in press. Pressing historiographic issues are analyzed. A number of bibliographic sources published in Orenburg in the 1920-s is introduced for scientific use. Special attention is paid to individual bibliography, their contribution to the development of the problem of land management and further destinies. The article is written at the confluence of national history, history of Kazakhstan and study of local lore.

Key words: modernization, settled lifestyle, land planning, zoning, The Kyrgyz (Kazakh) ASSR, “Orenburg” period, People’s Commissariat for Agriculture, resettlement policy, Alash Orda members.

Tugay Tatyana Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
Orenburg State University
Russian Federation, 460018, Orenburg, prospect Pobedy, 13
E-mail: tatyanaugai@mail.ru

References

1. Abdurakhmanov N. A. *Iz istorii politiki zemleustroistva kazakhskogo naseleniya v 1917—1927 gg. Rol' natsional'noi intelligentsii v razreshenii zemel'nogo voprosa* [From the history of the policy of land planning of the Kazakh population in 1917—1927. The role of the national intelligentsia in resolving the land issue]. Available at: <http://articlekz.com/article/11136>. Accessed: 03.02.2017. (In Russian)
2. Absemetov M. O., Zinov'ev V. P. K voprosu ob osobennostyakh protsessa modernizatsii Kazakhstana v 1920—1940-e gg. [On the issue of the specifics of the modernization of Kazakhstan in the 1920s—1940s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 410, pp. 19—23. (In Russian)
3. Abylkhozhin Zh. B. *Traditsionnaya struktura Kazakhstana: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya i transformatsii (1920—1930-e gg.)* [Traditional structure of Kazakhstan: socio-economic aspects of functioning and transformation (1920—1930-ies)]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1991. 240 p. (In Russian)
4. Alekseenko A. N. *Sel'skoe naselenie Kazakhstana. 1920—1990 gg.* [Rural population of Kazakhstan. 1920—1990]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1994. 230 p. (In Russian)
5. *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of Russian Academy of Sciences] (ARAN). F. 1717. Op. 1. Available at: <http://isaran.ru/bookreader/bookreader.php?guid=368DDABC-FA5D-F40B-9832-E873BDD1C3EA&ida=1&kod=4#page/4/mode/2up>. Accessed: 20.05.2017.
6. Asylbekov M. Kh., Galiev A. B. *Sotsial'no-demograficheskie protsessy v Kazakhstane (1917—1980)* [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917—1980)]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1991. 192 p. (In Russian)
7. Asylbekov M. Kh., Seitov E. T. *Alikhan Bukeikhan — obshchestvenno-politicheskii deyatel' i uchenyi* [Alikhan Bukeikhan is a public figure and scientist]. Alma-Ata, Orkeniet Publ., 2003. 148 p. (In Russian)
8. Akhmetova S. Sh. *Istoricheskoe kraevedenie v Kazakhstane* [Historical Local Studies in Kazakhstan]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1982. 169 p. (In Russian)
9. Baronov S. F., Bukeikhan A. N., Rudenko S. I. *Kazaki. Antropologicheskie ocherki* [The Kazakh. Anthropological essays]. Leningrad, Osobyi komitet Akademii nauk po issledovaniyu soyuznykh i avtonomnykh respublik Publ., 1927. 224 p. (Pp. 58—82: Ocherk Bukeikhanova “Kazaki Adaevskogo uezda”) (In Russian)
10. Bochagov A. K. *U istokov. Vospominaniya* [At the origins. Memories]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1972. 107 p. (In Russian)
11. Bukinich D. Eshche k melioratsii tsentral'nogo raiona Kirgizskogo kraya [More to the melioration of the central region of the Kyrgyz Krai]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 5—6, pp. 109—116. (In Russian)
12. Bukinich D. Zadachi melioratsii v tsentral'nom raione Kirrespubliki (v Turgaiskom i Irgizskom uezdakh). (V diskussionnom poryadke) [The tasks of land improvement in the central region of the Kyrgyz Republic (in the Turgai and Irgiz parishes). (In a discussion way)]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 1—2 (4-5), pp. 96—109. (In Russian)

13. *Velikaya tragediya stepi. Golod 1918—1924 godov* [Great tragedy of the steppe. The famine of 1918—1924]. Available at: <http://economics.kazgazeta.kz/?p=2193>. Accessed: 03.02.2017. (In Russian)
14. Venstrem A. A. Iz materialov po ispol'zovaniyu tekuchikh vod v Kirgizskom krae [From materials on the use of flowing waters in the Kyrgyz Krai]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 7, pp. 70—78. (In Russian)
15. *Godovoi otchet Narodnogo komissariata zemledeliya za operatsionnyi 1923—24 god*. [Annual Report of the People's Commissariat of Agriculture for the Operational Year of 1923—24]. Orenburg, 1925. 164 p. (In Russian)
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. 2307. Op. 8. D. 274.
17. Dakhshleiger G. F. Iz opyta istorii osedaniya kazakhskikh kochevykh i polukochevykh khozyaistv (do massovoi kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva) [From the experience of the history of subsidence of Kazakh nomadic and semi-nomadic farms (before mass collectivization of agriculture)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1966, no. 4, pp. 3—23. Available at: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1966/Dakhshleiger_1966_4.pdf. Accessed: 25.05.2017. (In Russian)
18. Dakhshleiger G. F., Nurpeisov K. N. *Istoriya krest'yanstva sovetskogo Kazakhstana* [The history of peasantry of Soviet Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1985. Vol. 1. 247 p. (In Russian)
19. Dzhandosov O. Doklad o zemel'noi politike [Report on Land Policy]. *Sovetskaya step'*, 1925, December 10. (In Russian)
20. Dontsova Z. N. *Sergei Semenovich Neustruev (1874—1928)* [Sergei Semenovich Neustruev (1874—1928)]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 200 p. (In Russian)
21. Ermekov Alimkhan Abeuovich [Ermekov Alimkhan Abeuovich]. Available at: http://www.inform.kz/ru/ermekov-alimhan-abeuovich_a2205153. Accessed: 23.02.2017) (In Russian)
22. Ibragimova G. E. Al'ternativnye kontseptsii zemleustroistva naseleniya Kazakhstana v 20-e gg. (k voprosu o vzglyadakh natsional'noi intelligentsii) [Alternative concepts of land management of the population of Kazakhstan in the 20-ies. (To the question of the views of the national intelligentsia)]. *Kazakhstan mezhdru Zapadom i Vostokom: problemy natsional'noi i vseмирnoi istorii* [Kazakhstan between the West and the East: problems of national and world history]. Karaganda, KarGU Publ., 2000, pp. 136—145. (In Russian)
23. *Istoriografiya obshchestvennykh nauk v Uzbekistane: Biobibliogr. ocherki* [Historiography of social sciences in Uzbekistan: Biographical and bibliographical essays]. Tashkent, FAN Publ., 1974. 386 p. (In Russian)
24. Drobizhev V. Z., Koval'chenko I. D., Murav'ev A. V. *Istoricheskaya geografiya SSSR* [Historical geography of the USSR]. Moscow, Vyssh. shkola Publ., 1973. 319 p. (In Russian)
25. *Istoriya zapadnogo otdeleniya Alash-Ordy: sb. dokumentov i materialov* [History of the Western Branch of Alash-Orda: a collection of documents and materials]. Vol. 1. Ural'sk, Zapadno-Kazakhstanskii tsentr istorii i arkheologii Publ., 2012. 464 p. (In Russian)
26. Asfendiarov S. D. *Istoriya Kazakhstana s drevneishikh vremen* [History of Kazakhstan since ancient times]. 3-e izd. Almaty, Sanat Publ., 1998. 304 p. (In Russian)
27. Iskhakov S. M. *Rossiiskie musul'mane i revolyutsiya (vesna 1917 — leto 1918 g.)* [Russian Muslims and the Revolution (spring 1917 — summer 1918)]. Moscow, IRI RAN Publ., 2003. 476 p. (In Russian)
28. Kadysova R. Zh. *Sovetskaya modernizatsiya Kazakhstana (1917—1940 gg.). Istoriografiya problemy* [Soviet modernization of Kazakhstan (1917—1940). Historiography of the problem]. Almaty, Gylym Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
29. *Kazakhskoe khozyaistvo v ego estestvenno-istoricheskikh i bytovykh usloviyakh* [Kazakh economy in its natural-historical and domestic conditions]. Moscow, 1926. 200 p. Available at: <http://nblib.library.kz/elib/Sait/Редкие%20книги/01-08-2013/Казахское%20хозяйство/11.html#4>. Accessed: 01.06.2017) (In Russian)
30. Kaziev S. Sh. Pereselencheskii vopros v natsional'noi politike sovetskogo gosudarstva v Kazakhstane v 1920-e gody [The resettlement issue in the national policy of the Soviet state in Kazakhstan in the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2014, no. 3 (26), pp. 116—124. (In Russian)
31. Karvin L. O stikhiinom perekhode kirgiz kochevnikov Ural'skoi gubernii k osedlosti (Otvét na nekotorye nevernye vyvody t. Bukinicha v diskussionnoi stat'e "Zadachi melioratsii v tsentral'nom raione Kirrespubliki...") [On the spontaneous transition of Kyrgyz nomads of the Ural province to a settled life (Reply to some incorrect conclusions of Comrade Bukinich in the discussion article "Land Reclamation Problems in the Central District of the Kyrgyz Republic..."). *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 7, pp. 66—69. (In Russian)
32. Kenarskii L. Differentsiatsiya kirgizskogo khozyaistva [Differentiation of the Kyrgyz economy]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 5—6, pp. 96—105. (In Russian)
33. Kenarskii L. Kolonizatsiya i pereselenie v Kirgizskii krae (Istoricheskaya spravka) [Colonization and resettlement in the Kyrgyz Krai (Historical information)]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 11—12, pp. 136—145. (In Russian)

34. Kenarskii L. Protivorechiya ucheta [Accounting contradictions]. *Sovetskaya Kirgiziya*. Orenburg, 1924, no. 8, 9, pp. 33—45. (In Russian)
35. Kozlov A. P. Istoki agrarnoi politiki sovetskoi vlasti v Kazakhstane v 1920-e gg. [The origins of the agrarian policy of Soviet power in Kazakhstan in the 1920s.]. *V mire nauchnykh otkrytii. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2015, no. 9.3 (69), pp. 823—829. (In Russian)
36. Kozybaev M. K. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1991. 256 p. (In Russian)
37. Krashenninnikov I. M. Rastitel'nyi pokrov Kirgizskoi Respubliki [Vegetation of the Kyrgyz Republic]. *Trudy Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja. 1924* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Krai. 1924]. Orenburg, Russko-kirgizskaya tipografiya Kirgosizdata Publ., 1925, is. 6, pp. 1—104. (In Russian)
38. Kto on, Tel' Zhamanmurynov? [Who is he, Tel Zhamanmurynov?]. *Aktyubinskii vestnik*, 2013. May 30. Available at: <http://www.nomad.su/?a=15-201305310013>. Accessed: 30.03.2017. (In Russian)
39. Kydyralina Zh. U. *Natsiya i istoriya* [Nation and history]. Astana, Elorda Publ., 2009. 304 p. (In Russian)
40. Labuzov V. A. *Prervannyy vybor. Orenburgskaya derevnya v 20-kh — nachale 30-kh godov XX stoletiya* [Interrupted choice. Orenburg village in the 20^s — early 30^s of the twentieth century]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2003. 400 p. (In Russian)
41. Larin I. V. Ocherednost' izucheniya Kirgizii (v poryadke obsuzhdeniya dannogo voprosa) [The order of study of Kyrgyzstan (in order to discuss this issue)]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 11—12, pp. 10—18. (In Russian)
42. Martin Terri. *Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923—1939. Per. s angl. O. R. Shchelokovoi* [The empire of "positive activity". Nation and nationalism in the USSR, 1923—1939. Transl. from English by O. R. Shchelokova]. Moscow, ROSSPEN, Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina" Publ., 2011. 662 p. (In Russian)
43. Masanov N. E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic civilization of Kazakhs: the foundations of vital activity of the nomad society]. Almaty, Sotsinvest Publ., Moscow Gorizont Publ., 1995. 320 p. (In Russian)
44. Masanov E. A. *Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR* [Essay on the history of ethnographic study of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1966. 321 p. (In Russian)
45. Mendeshev S. Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie Srednei Azii i Kirgizskaya SSR [National-territorial delimitation of Central Asia and the Kyrgyz SSR]. *Sovetskaya step'*, 1924. Oktober 14. (In Russian)
46. Moiseenko V. M. Krest'yanskie pereseleniya v 1920-e gody (Iz istorii migratsii v Rossii) [Peasant resettlement in the 1920s (From the history of migration in Russia)]. *Demograficheskoe obozrenie. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 87—141. Available at: https://demreview.hse.ru/data/2016/02/12/1140704068/1DemRev_2_3_2015_87-141.pdf (In Russian)
47. "Moskovskaya kletka" dlya lidera natsii (Chast' chetvertaya) (Sultan-Khan Akkuly) ["The Moscow Cell" for the leader of the nation (Part Four) (Sultan-Khan Akkuly)]. Available at: <https://planetanyne.ru/moskovskaya-kletka-dlya-lidera-natsii-ch/>. Accessed: 30.03.2017. (In Russian)
48. Nasenov B. *Khalyq zhualary. Zhetinshi bolim, onynshy kitabyndan* [People's enemies. Chapter Seventh, From the Tenth Book]. Almaty, Novosibirsk, Tamyz Publ., 2005. 181 s. Available at: <http://kaz2.docdat.com/docs/index-146587.html?page=25>. Accessed: 30.04.2017). (In Kazakh)
49. Sadvokasov S. Osnovnye problemy, vznikshie pri raionirovanii Kirgizii [The main problems that arose in the regionalization of Kyrgyzstan]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1923, no. 2—3, pp. 13—17. (In Russian)
50. Sadvokasov S. Osnovnye problemy, vznikshie pri raionirovanii Kirgizii (Okonchanie) [The main problems that arose in the zoning of Kyrgyzstan (Ending)]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 1—2, pp. 36—42. (In Russian)
51. Sirius M. Na puti k proizvodstvennomu planu v sel'skom khozyaistve [Towards a production plan in agriculture]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 1—6. (In Russian)
52. Sirius M. O normakh zemlepol'zovaniya dlya kochevogo naseleniya KSSR [On the Norms of Land Use for the Nomadic Population of the KSSR]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1925, no. 5—6. (In Russian)
53. Sirius M. Plan vosstanovleniya sel'skogo khozyaistva KSSR [Plan for the restoration of agriculture in the KSSR]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 7, pp. 50—63. (In Russian)
54. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 1—2 (4—5). (In Russian)
55. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 5—6. (In Russian)
56. *Statisticheskii vestnik* [Statistical Bulletin]. Orenburg, Gos. tipo-litografiya No. 1 Upravpoligrafproma po Upravpromgubu Publ., 1923, no. 2. 139 p. (In Russian)
57. *Stepnaya Pravda*, 1923, March 21. (In Russian)

58. Suleimenov R. B., Bisenov Kh. I. *Sotsialisticheskii put' kul'turnogo progressa otstalykh narodov: (istoriya stroitel'stva sovetskoï kul'tury Kazakhstana: 1917—1965 gg.)* [Socialist way of cultural progress of backward peoples: (the history of the construction of Soviet culture of Kazakhstan: 1917—1965)]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1967. 424 p. (In Russian)
59. *Trudy Orenburgskogo Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya. 1921. Vyp. 1* [Proceedings of the Orenburg Society for the Study of the Kyrgyz Krai. 1921. Is. 1]. Orenburg, Tipografiya M. N. Makhova Publ., 1921. 111 p. (In Russian)
60. *Trudy Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya. 1924. Vyp. 6* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Krai. 1924. Is. 6]. Orenburg, Russko-kirgizskaya tipografiya Kirgosizdata Publ., 1925. 291 p. (In Russian)
61. *Trudy Turgaiskoi meliorativnoi ekspeditsii za 1920—1923/24 gody* [Proceedings of the Turgai melioration expedition for 1920—1923/24]. Tashkent, Kaznarkomzem Publ., 1930. 196 p. (In Russian)
62. Tugai T. I., Alyatina A. G., Degtyareva N. A. Prirodookhrannoe napravlenie v khozyaistvennoi, obshchestvennoi i nauchnoi zhizni Yuzhnogo Urala nakanune i posle padeniya samodержaviya [Nature protection trend in the economic, social and scientific life of the Southern Urals on the eve and after the fall of the autocracy]. *Istoricheskie, filosofskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 3, part 1, pp. 159—165. (In Russian)
63. Tugai T. I. Akhmet Baitursunov v Orenburge. Pervyi narkom Prosveshcheniya KASSR [Ahmet Baitursunov in Orenburg. First People's Commissar of the Enlightenment of the KASSR]. *Istoriya Zapadnogo Otdeleniya Alash: sb. nauch. statei* [History of the Western Branch of Alash: a collection of scientific articles]. Ural'sk, Zapadno-Kazakhstanskii Tsentr istorii i arkheologii Publ., 2012, pp. 299—313. (In Russian)
64. Tugai T. I. Kazakhskaya i russkaya intelligentsiya v pervykh organakh vlasti KASSR [Kazakh and Russian intelligentsia in the first bodies of power of the KASSR]. *Rossiiskaya natsiya: etnokul'turnoe mnogoobrazie v grazhdanskom edinstve: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Russian nation: ethnocultural diversity in civil unity: proceed. of All-Russia sci.-pract. conf.]. Orenburg, GUP Orenb. obl. "Buzulukskaya tipografiya" Publ., 2011, pp. 117—127. (In Russian)
65. Fedchenko B. A., Larin I. V. Rastitel'nost' Ural'skoï gubernii [Vegetation of the Ural province]. *Trudy Obshchestva izucheniya Kazakhstana* [Proceedings of the Society for the Study of Kazakhstan]. Kzyl-Orda, 1926, vol. 4, part 4, is. 1. pp. 109—193. (In Russian)
66. *Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie SSSR. Statistiko-ekonomicheskii obzor Kirgizskoi Sovetskoï Sotsialisticheskoi Respubliki* [Central Statistical Office of the USSR. Statistical and Economic Review of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic]. Orenburg, Tipogr. no. 1 Publ., 1923, pp. 180—182. (In Russian)
67. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan* [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan] (TsGARK). F. 920. Op. 1. D. 20.
68. TsGARK. F. 693. Op. 1. D. 1.
69. Shadrin V. A. Skotovodstvo v Kirrespublike [Cattle breeding in the Kyrgyz Republic]. *Sovetskaya Kirgiziya*, 1924, no. 8—9, pp. 62—70. (In Russian)
70. Shaumyan M. Kh. *Ot kochev'ya k sotsializmu* [From nomadism to socialism]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1965. 200 p. (In Russian)
71. Yankovskii M. K. Kolonizatsiya KSSR [Colonization of the KSSR]. *Statistiko-ekonomicheskii obzor Kirgizskoi Sovetskoï Sotsialisticheskoi Respubliki* [Statistical and Economic Review of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic]. Orenburg, 1923, pp. 224—233. (In Russian)
72. Yankovskii M. K. Zemel'noe issledovanie v Kirgizskoi Respublike [Land survey in the Kyrgyz Republic]. *Statisticheskii vestnik*, 1923, no. 1. Orenburg, Tip. Orenpoligrafproma No. 8 Publ., 1923, pp. 106—111. (In Russian)